

Вестник
Российского
музыкального союза

Прямая РЕЧЬ

ЖУРНАЛ

**АНДРЕЙ
НОРКИН:**

Я боюсь сейчас
ходить в театр
стр. 38

**САТИ
СПИВАКОВА:**

За 10 лет съёмок сожгли
15 557 свечей
стр. 24

**ДЕНИС
МАЩУЕВ:**

Я ВСЕГДА ОТКРЫВАЮ
СВОЁ СЕРДЦЕ

стр. 4

**ИРИНА
СЛУЦКАЯ:**

У спорта своё звучание
стр. 44

АЛЕКСЕЙ СИМОНОВ:

Музыка — совершенно не отцовское искусство
стр. 48

О КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

*от тех, кто создаёт,
для тех, кто ценит*

ЗА КУЛИСАМИ

4 Денис Мацуев: «Я очень люблю играть с единомышленниками». Известный пианист о пандемии, конкурсах, учителях, футболе...

НАШ РЕПОРТАЖ

18 Чехов в реальности-2021. Сергей Безруков зажжёт огни фестиваля «Мелиховская весна»

ЗА КАДРОМ

24 Сати Спивакова: в окружении нескудной классики. Популярная телеведущая представила книгу встреч

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

28 Художник Вероника Пономарёва во вселенной преображения. Вице-президент Ассоциации правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства УПРАВИС рассказала о природе творчества

34 Четыре комнаты Олега Шейнциса

10 Константин Емельянов: «Любимый композитор тот, которого играю в настоящий момент». Фирма «Мелодия» выпустила первый концертный альбом музыканта

РИТМЫ РСМ

14 Нырнуть с головой. РСМ провёл для музыкантов исполнительский практикум по современной музыке

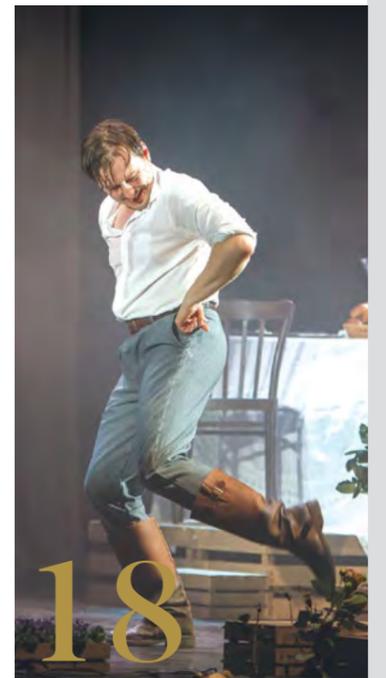
16 Письма Игоря Блажкова. РСМ совместно с Российским фондом культуры и издательством «Композитор • Санкт-Петербург» обошли зарубежных издателей и выпустили трёхтомник «Книга писем» известного дирижёра

МАСТЕР-КЛАСС

38 Андрей Норкин: «Придумывать я не умею». Ведущий популярного ток-шоу после эфира устраивает концерт

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

44 Ирина Слуцкая: «Я всегда хотела быть на льду одна». Знаменитая фигуристка открыла собственную школу фигурного катания

18
Как Сергей Безруков в Мелихове сыграл дядю Ваню

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН

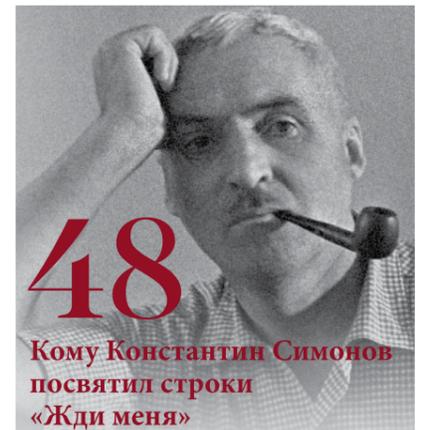
48 Константин Симонов – лирик, прозаик, поэт, человек. Сын классика советской поэзии Алексей Симонов рассказал, как отец встречался с Чаплиным

КАК ЭТО БЫЛО

58 Закат Кёнигсберга. НФПП и БФА выпустили дневники участника штурма немецкого бастиона Леонида Аринштейна

24
Почему классика Сати Спиваковой нескудная

48
Кому Константин Симонов посвятил строки «Жди меня»

ISSN: 2306-4641

№ 1 (32), Периодичность выхода: ежеквартально

Главный редактор: Владимир ДЕРЕНЮК

Выпускающий редактор: Виталий ЛЕСНИЧИЙ

Адрес редакции: 119049, г. Москва, ул. Мытная, д. 28, стр. 3
Тел.: (495) 502-38-72
E-mail: info@directspeech.ru
www.directspeech.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ №ФС77-75230 от «07» ноября 2019 г.

Территория распространения: Российская Федерация

Формат: А4

Тираж: 1000 экз.

ДЕНИС МАЦУЕВ:

**«Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ИГРАТЬ
С ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМИ»**

**Знаменитый пианист рассказал, почему не любит
судить, журить и отсеивать**

Текст: Йосси ТАВОР

Соло с оркестром

В одном из последних концертов с Государственным симфоническим оркестром Республики Татарстан Денис Мацуев в первом отделении играл «Времена года» Чайковского и Четвёртую балладу Шопена. Было особое наслаждение послушать этого замечательного пианиста солирующим без оркестра, своего рода реситале. И оттого мой первый вопрос был именно об этом: почему он так редко играет подобную сольную программу, где его музыкальность, лиричность отражается куда более ярко, нежели в концертах с оркестром...

– Не сказал бы, что редко. Вероятно, половина на половину. Мой график настолько плотен, что хочется, как говорится, всё успеть. Сотрудничество с оркестрами меня возбуждает не меньше сольных концертов. Но в сольных концертах, если всё получается, имеются, вы правы, свой шарм, атмосфера, захватывающая эмоциональная энергетика. Безусловно, к выбору сольных программ я подхожу с особым благоговением. Поэтому, где бы я ни был, не повторяюсь. Я играю всегда новое – то, что

хочет услышать публика. Она для меня – главный критик. Если всё совпадает с потоком энергии зрительного зала, можно в этих концертах раствориться и уйти в определённый мир. Если, конечно, есть публика. Никогда не забуду 20 марта 2020 года, когда начался весь этот ужас, и мне пришлось играть в пустом Зале Чайковского. Это был первый онлайн-концерт, который посмотрели больше 4 миллионов человек, но это был и один из самых трудных концертов в моей жизни, так как лицезреть стену, которая явилась передо мной в виде пустого зала, было невыносимо сложно.

– Вы не раз говорили, что концерты дают вам дополнительную энергию. А с каким ощущением вы заканчиваете программу?

– Как правило, останавливаться не хочется. В позапрошлом году я установил рекорд: в Осаке играл 11 раз на бис, причём включая такие объёмные произведения, как «Мефисто-вальс» Листа и Четвёртую балладу Шопена. Когда не можешь расстаться с энергией зрительской, попадаешь в поток. Кто-то говорит, что, наоборот, публику нужно оставлять

**«ИГРАЮ ВСЕГДА
НОВОЕ –
ТО, ЧТО ХОЧЕТ
УСЛЫШАТЬ
ПУБЛИКА»**

на голодном пайке, и должно присутствовать чувство недосказанности. У меня всё иначе: я всегда открываю своё сердце. У меня в репертуаре, наверное, больше 100 «бисов», которые я тоже стараюсь не повторять. Ведь они всегда в голове и в пальцах. Что играть на бис, я решаю, когда возвращаюсь на сцену после аплодисментов и сажусь за рояль. Это мой закон. Этому не знает никто, включая меня самого. В этом интрига. Поэтому я очень люблю эту часть концерта, и, наверное, публики тоже.

– Вы умеете объединять своим характером самых разных людей, которые, в общем-то, между собой мало общаются. Скажем, Михаил Васильевич Плетнёв и Юрий Абрамович Башмет. Как вам это удаётся?

– Я очень люблю играть с единомышленниками. Они таковыми являются, и в этом огромное счастье. Я совсем не ощущаю разницы в возрасте, потому что они абсолютно молоды душой, но главное – человеческий контакт. Для меня не имеет значения так называемый статус моего партнёра по сцене. Понятно, что есть выдающиеся мастера, которых знают все, а есть начинающие. Я с ними музицирую с не меньшей отдачей и с не меньшей энергетикой. Если, как говорится, вода на репетициях и концертах начинает закипать, наступает момент, когда ты действительно пребываешь в счастье,

У подножия музыкального Эвереста

– Вы занимаетесь не только музыкой. У вас фонд «Новые имена» имени Иветты Вороновой. И как ни удивительно, после ухода Иветты Николаевны вы позвали Александра Петросяна – блестящего менеджера, который доказал во всех отношениях свой профессионализм. Это предвидение? Предощущение? Мне кажется, вы чётко знали, на что идёте...

– Когда уходят великие люди, наступает пустота, но ответ на вопрос, что делать дальше, конечно, один – продолжать. Понятно, что такого человека, как Иветта Николаевна, никогда не будет, но она предложила мне возглавить фонд ещё за 9 лет до своего ухода, хотя формально она им руководила. Ей невозможно было отказать. Она заходила в любой кабинет и выходила из него с тем, за чем пришла. У неё было такое обаяние и, конечно, чувство предвидения. У неё не было музыкального образования, но то, как она видела в маленькой искорке будущее, – уникально. Даже вопреки сиюминутному эффектному номеру ребёнка. «Нет, – говорила она. – Не этого, а другого ребёнка мы возьмём». Может быть, в тот момент

«НАСТОЯЩАЯ МУЗЫКА ПРИМИРЯЕТ, ЛЕЧИТ, ОТВЛЕКАЕТ»

потому что с тобой на сцене партнёр, который принимает твою интерпретацию. Если говорить о дирижёрах, есть те, с которыми я обожаю музицировать. Другие дирижёры – те, которые мне не мешают. И третьи – которые очень мешают. К счастью, я почти всегда играю с первыми двумя категориями. Наша работа – командная.

– Денис Леонидович, это командная работа, но тогда, когда вы выбираете и можете выбрать дирижёра. Нередко получается, что вы едете за границу играть с зарубежным оркестром и получаете дирижёра, на которого вы не рассчитывали...

– Конечно бывает. Иногда совпадение случается, а бывает – нет. Тогда могу поэкспериментировать: встречаемся с дирижёром, и я говорю: «Сейчас первая репетиция, давай не будем останавливаться. Я тебе гарантирую, что у нас всё будет вместе...» И всегда получается! Конечно, порой аккомпанируешь оркестру, что далеко от собственной интерпретации, и тогда о своей задумке можно забыть. Такое выступление больше напоминает цирковой номер, который к искусству не имеет никакого отношения. Но порой дирижёр предвкушает моё движение: он будто предчувствует, когда меня в определённый момент вдруг что-то озарит. Ради таких моментов я и выхожу на сцену с Валерием Гергиевым, Юрием Темиркановым, Зубином Метой, Кристианом Тилеманном...

менее яркого, но через некоторое время из него выходил толк. Это, конечно, уникальное дарование. И, когда её не стало, я предложил Александру Арутюновичу, с которым мы часто играли в футбол (и, надеюсь, продолжим), должность вице-президента, потому что он знает все тонкости. Ведь «Новые имена» – это не просто фонд одарённых детей, а команда, семья. «Новые имена» – это Эверест. У его подножия бриллианты нашего исполнительского искусства в самом начале творческого пути. Конечно, приход Александра Петросяна – это точность организационного порядка.

– Вы создали огромное количество фестивалей, и в первую очередь на периферии. Для чего это делается? Ведь вы тратите массу энергии...

– Любимый фестиваль в регионах – это результат большой любви, продолжающейся на протяжении многих лет. Скажем, в Перми я был больше 35 раз. Наша дружба, наш творческий роман с публикой начался задолго до моей победы на конкурсе Чайковского. Для того чтобы фестиваль вспыхнул, нужно было в Пермь приехать раз 20, в плацкартных вагонах, за символические гонорары. Эти фестивали – вспышка, откровение нашей любви, потому что к каждому выступлению в регионах я отношусь абсолютно с такой же энергетикой, как к исполнению в Карнеги-Холле в Нью-Йорке, зале Берлинской филармонии, Концертгебау в

Фото из личного архива Дениса Мацуева

В позапрошлом году в японской Осаке Денис Мацуев установил личный рекорд: выходил на сцену и играл 11 раз на бис

Амстердаме или Музикферайне в Вене. Понимаете, в регионах моя самая дорогая, любимая публика, которая меня помнит совсем юным. И цель этих фестивалей – не только познакомить зрителей с великими нашими и зарубежными музыкантами, но и представить молодое поколение и, конечно, отобрать новые имена, потому что на каждый мой фестиваль приезжают уважаемые профессора и дают мастер-классы, по итогам которых наша музыкальная семья пополняется новыми питомцами.

– Вы уже вспомнили концерт в Осаке. Вы также ездили в Японию выступать во время пандемии, чтобы поддержать японцев. И это немного отличалось от некоторых концертов в Европе, где вас не всегда воспринимают как музыканта, а скорее как представителя страны... Более того, вы выразили соболезнование жертвам террористического акта в Вене, готовы ехать куда угодно, а антироссийски настроенные радикалы видят в вас представителя страны, власти, о которой знают только понаслышке...

– Мир, в котром мы живём, – безумен. Он сошёл с ума. И концерт – это то место, где всё забывается, конфликты и споры остаются за стенами зала. Простой пример. Когда мы играем с Зубином Метой в Израиле, в зале сидят и евреи, и арабы. И ничего страшного в этом нет. В мире идёт сейчас много информационных гибридных войн. Думаю, музыка – первое, что может вылечить. Я горжусь, что играю до 260 концертов в сезон в самых знаменитых залах и мой график расписан на много лет вперёд. Для меня большая гордость и честь, когда звучит фраза «представитель русской фортепианной

школы». И любая провокация людей, которые используют возможность насолить, вскрывается концертом. Главное – заглянуть в глаза людям, которые выходят из зала после выступления. Думаю, как раз настоящая музыка примиряет, лечит, отвлекает и, конечно, является лучшей вакциной от болезни.

По другую сторону баррикады

– Вы упомянули «представитель русской фортепианной школы»... Вы ученик недавно ушедшего от нас Сергея Леонидовича Доренского – одного из корифеев именно этой школы. Знаю, что уже будучи победителем конкурса Чайковского и именитым пианистом, сыгравшим массу концертов в самых престижных залах, вы каждую свою новую программу в первую очередь показывали Сергею Леонидовичу.

«КОГДА УХОДЯТ ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ, НАСТУПАЕТ ПУСТОТА»

– Сергей Леонидович – как второй отец, которого мне страшно не хватает. До сих пор не верится, что его нет. Он ушёл в конце февраля 2020 года. И тут же началась эта пандемия. Даже представить себе не могу, как бы он переживал – в первую очередь за нас, за каждого из своих учеников. Он создал преемственность поколений. Мы конкуренты на сцене, но

Чувство локтя и командный дух привил Сергей Доренский

Фото: Евгений Егоров

в жизни готовы биться за каждого. У нас есть чувство локтя, мы – одна команда. Это воспитание Сергея Леонидовича, он нам привил этот дух. Возвращаясь в Москву после гастролей, я всегда приходил к нему и играл как новую, так и забытые программы. Наши встречи всегда были встречей с близким родственником, с близким человеком, который переживал за меня и занимался со мной до последнего момента. Я помню каждый свой урок с ним. Когда настраиваюсь на концерт, вспоминаю каждую его фразу. Как, например, памятный для меня концерт Святослава Рихтера, когда в 1986 году он приезжал в Иркутск. Сергей Леонидович – гуру, мастер, который дал мне свои уникальные штрихи, мазки, прежде чем я вышел в одиночное плавание концертов.

– Я вас не спрашиваю, почему вы не преподаёте. Однажды на этот вопрос вы ответили: каждому своё. Мол, Николай Луганский преподаёт, а я буду заниматься другим. Луганский тоже ученик Сергея Леонидовича. У каждого своё амплуа?

– Абсолютно. Доренский воспитал двух потрясающих музыкантов – это Павел Нерсесьян и Николай Луганский, которые, помимо того что они выдающиеся музыканты, являются ещё и замечательными педагогами. В них есть, как говорится, эта жилка. Не всегда можно быть Марадоной – закончить играть и стать выдающимся тренером.

– Вы возглавляли жюри последнего конкурса Чайковского. Каково это – быть по другую сторону конкурсной баррикады?

– Сначала присутствовало чувство неловкости. Я всё равно никогда не приму слов

«судить», «журить», «отсеивать», «разочарование», «провал». Они не из моего лексикона. Когда Валерий Гергиев пригласил меня стать председателем конкурсного жюри, сначала я отказался, сказал – не моё... Знаете, есть конкурс Grand Piano Competition, в котором играют молодые пианисты – и соло, и с оркестром, – и никого не отсеивают. Нет первой, второй, третьей премии. Есть лауреаты, дипломанты, и все получают призы и даже контракты, и все счастливы. Это моё. А решиться пойти на конкурс, причём зная, что в нём будут участвовать даже мои друзья, было сложно психологически. Я старался минимизировать риски, скандалы, и первое, что мне удалось, на мой взгляд, собрать великолепную команду единомышленников, с которыми у меня не было никаких конфликтов, и расхождений в оценках и суждениях практически ничто не вызвало. Мне удалось добиться прохода во второй тур на две кандидатуры больше и на одну – в финал. Во втором туре участвовали не 12, а 14 конкурсантов, в третьем – вместо шести семь. Уровень конкурса был высочайший. Голосовали сердцем. Конечно, в первом и втором турах шёл отсев. Это не значит, что выбывшие были хуже. Это конкурс. Не может быть, чтобы все прошли. Тем не менее интерес к конкурсу Чайковского велик. На Medici.tv более 20 миллионов просмотров. Цифры говорят о том, что даже те, кто не прошёл, уже получили старт к серьёзной карьере. Я это точно знаю. Сразу конкурсантам говорил: не обращайтесь никакого внимания, кто на каком месте, потому что самое сложное начинается на следующий день после завершения кон-

курса. Теперь каждый раз, выходя на сцену, нужно будет поддерживать этот бренд – лауреат конкурса Чайковского. Знаю это по себе. Когда после моей победы началось это концертное сумасшествие, мне приходилось каждый раз подниматься на сцену в любой точке света, чтобы подтвердить своё звание. К тому же последний конкурс стал очень показательным. Лауреатам предоставили впервые полный карт-бланш: мы с Валерием Гергиевым создали беспрецедентные возможности для дебютов в самых знаковых точках мира. И самое главное заключается уже в том, пригласят ли тебя в это место второй раз? Важно туда вернуться. А для этого надо развиваться, пополнять свой репертуар, стать любимым публикой, заручиться её поддержкой... Только тогда тебя пригласят ещё раз. К счастью, все ребята из тех, кто был на конкурсе Чайковского, подтверждают это правило. Мой судейский опыт был сложный, но плюсов в нём тоже очень много.

Держим кулаки...

– Ваша жена Екатерина Шипулина – блестящая балерина, которая танцует как на сцене Большого, так и у Бориса Эйфмана в совершенно разных амплуа. Ваша дочь, которая, как вы сказали в одном интервью, близко познакомилась с вами во время пандемии, ибо ранее папа бывал дома только между концертами...

– Пандемия – любимое словечко Анны Денисовны, потому что действительно те несколько месяцев, которые мы провели вместе, – одни из счастливейших в моей жизни. Видеть, как развивается это чадо, этот фруктик, – настоящее счастье! Она каждый день устраивала нам с Катей моноспектакли, каждый день меня с женой ждала очередная премьера. У нас был и кукольный театр, и драматический, и комедия, и оперетта, и танцы, и балет. Я создавал, конечно, всё музыкальное оформление. Мы репетировали у рояля:

– Вот здесь я уйду, – она говорила. – Надо потише. А здесь должно быть что-то многозначительное, громкое: «Давай, папа, я выбегаю – оп! Не успел. Давай ещё раз...» Так что у меня изоляция была на самом деле очень весёлая. Поначалу было тяжело из-за того, что

«МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЁМ, – БЕЗУМЕН»

организм не мог перестроиться после сумасшедшего графика гастролей, но то, что было внутри нашего дома, – спасло. И кулинарные способности Екатерины Валентиновны проявились, и мои... Я научился готовить плов по-мацуевски. Специальный рецепт, секрет не раскрываю никому.

– Свой концерт в Казани вы завершили безумно красивым, полным смысла, от всего сердца высказыванием, в котором оценили то состояние, в котором живёт весь мир, и насколько мы счастливы, что у нас культура продолжает жить. Может, это и есть послание к ближайшему будущему?

– Конечно же, мы переживаем трагедию, она происходит на наших глазах. Наш цех катится в пропасть с огромной скоростью. Просвета не видно. Банкротства фестивалей, концертов, туров, солистов, у которых нет работы...

– В ряде стран просто закрыли оркестры... Сократили зарплаты даже в тех коллективах, где сильные профсоюзы, например, в Нью-Йоркском филармоническом оркестре, закрыли «Метрополитен-оперу»...

– Музыканты завязывают с профессией и играют элементарно на улице, если есть возможность... И на площадях, соблюдая социальную дистанцию, в масках, стоят знаменитые музыканты, которые раньше получали сотни тысяч евро в год. И в этом смысле в нашей стране происходит настоящее чудо. Я благодарен нашему государству. Это не голословное патриотическое заявление. У нас все оркестры, театры получают зарплаты. Когда я выкладываю в социальной сети фрагменты концертов, люди за рубежом не верят, что это возможно. Поэтому я не могу сказать, что всё было плохо. Безусловно, есть и светлые моменты... Помните, как Прокофьев описывал эпидемию испанки? Как заразился и умер его художник, потом парикмахер... По разным оценкам, тогда погибли от 20 до 100 миллионов человек. Но концерты не прекращались. И через два года эпидемия исчезла. Куда?... Может, и с нашим «недорогим» «товарищем с короной» произойдёт то же самое? Очень надеюсь, что вакцина поможет и у нас выработается к вирусу иммунитет. Поэтому держим кулаки!

КОНСТАНТИН ЕМЕЛЬЯНОВ:

*ЛЮБИМЫЙ КОМПОЗИТОР ТОТ,
КОТОРОГО ИГРАЮ
В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ...*

Молодой, но уже востребованный пианист на фирме «Мелодия» выпустил дебютный альбом, посвящённый Чайковскому

Текст: Ирина ВАЛЬДЕС

Имя композитора для первой записи выбрано не случайно. Счастливая звезда Константина Емельянова зажглась именно на XVI Международном конкурсе имени Чайковского, когда малоизвестный широкой публике музыкант уверенно и элегантно обошёл своих маститых коллег и занял почётное III место. Свой альбом пианист представил на сцене Большого зала Консерватории имени Чайковского. Концерт стал не только подарком для московской публики, но и подтвердил очевидное: Константин Емельянов — умный, глубокий, сложившийся музыкант со своей индивидуальной интонацией. Его интерпретации отличаются безупречным вкусом и идеальным балансом. Безукоризненно исполнив основную программу, он подарил зрителям дополнительное «третье отделение», отыграв на бис произведения разных эпох. Несмотря на рассадку 50/50, восторг публики вызвал в зале стойкое ощущение аншлага. После концерта Константин рассказал о своей работе над дебютным альбомом.

*Всегда рискуешь, когда берёшься
за популярное произведение*

С благословения Сергея Доренского

– Константин, монографический диск – дань юбилею Петра Ильича?

– Дело в том, что я изначально планировал записать диск русской музыки. Я точно знал, что в программу войдёт скерцо из Симфонии № 6 Чайковского в фортепианной транскрипции Самуила Фейнберга – это произведение я играл на II туре XVI конкурса имени Чайковского. Так как 2020 год был годом 180-летия композитора, идея монографического диска показалась мне логичной.

– Можно назвать Чайковского вашим любимым композитором?

– Мой любимый композитор тот, которого я играю в настоящий момент. Любимых авторов настолько много, что трудно выделить кого-то одного. Мне проще назвать тех, кого я пока не играю.

– Вы обсуждали программу альбома со своим профессором Сергеем Леонидовичем Доренским?

– Ещё год назад Сергей Леонидович сказал мне, что пора выпустить диск, и добавил: «Обязательно записывай «Скерцо». Можно сказать, я получил благословение своего учителя. Транскрипция Самуила Фейнберга редко исполняется и записей почти нет. «Скерцо» стало отправной точкой при формировании программы. Я выбирал между «Большой сонатой», «Вариациями» и циклом «Времена года» и в конце концов остановился на «Временах года».

– Цикл «Времена года» – одно из самых популярных сочинений Чайковского. Существует огромное количество прекрасных записей. Были опасения, что сравнение обернётся не в вашу пользу?

– Когда берёшься за столь популярное сочинение – всегда рискуешь. Но если исходить из этих соображений,

можно ничего не играть вообще. Фортепианный репертуар огромен: все пианисты прекрасно знакомы с большей его частью, и у каждого из нас своя трактовка.

– Легко ли играть Чайковского?

– Фортепианная музыка Чайковского гениальна, но, когда начинаешь работать над его произведениями, понимаешь, что фортепианная фактура зачастую неудобна для исполнителя. Известно, что Пётр Ильич не был хорошим пианистом, и это не могло не отразиться на его фортепианном письме. Композитор мыслил «оркестрово», «вокально», не всегда учитывая пианистические особенности.

– Кто для вас является творческим ориентиром?

– Если говорить о пианистах советской эпохи, мне всегда была близка трактовка Льва Оборина. В ней присутствуют естественность фразировки, точность, простота, деликатность, нет ничего надуманного. Это и есть высшее мастерство, когда всё просто и естественно.

Тихой музыки подводные камни

– Вы записали свой дебютный альбом на фирме «Мелодия» в тандеме со звукорежиссёром Михаилом Спасским?

– Коллеги говорили мне: «Пиши только со Спасским». Я последовал их совету и ни разу не пожалел. Михаил Спасский не только мегапрофессиональный звукорежиссёр, но и потрясающий музыкант. Я был согласен практически со всеми дублями, которые он выбрал. Вообще,

звукорежиссёр – самый строгий критик. Его натренированное ухо часто улавливает такие детали, которые порой не слышны самому музыканту за инструментом.

– Почему играли на сцене Большого зала Консерватории, а не в студии?

– Результат абсолютно разный. Студийная акустика – выверенная, сухая. В концертном пространстве сохраняется живая реверберация зала.

– Возможность переиграть несколько дублей не расслабляет?

– Нет, наоборот, в момент записи ты концентрируешься сильнее, потому что рядом стоят микрофоны и ловят каждую ноту. В концертной акустике какие-то неточности рассеиваются и могут быть незаметны. На записи идёт хирургическая работа, это довольно напряжённый процесс.

– Во время записи пришлось делать несколько дублей?

– По счастью, нет. Например, «Элегическую песню» мы сделали с двух дублей. Некоторые номера из цикла «Времена года» были записаны одним дублем. До этого момента мне казалось, что труднее всего записывать быстрые виртуозные произведения. На самом деле больше дублей требуется тихой, спокойной музыке, когда необходимо найти баланс в звучании фортепианной фактуры, чтобы каждый голос хорошо прослушивался.

– Что далось сложнее всего?

– Самым трудным для меня был цикл «Времена года», потому что они оказались единственным сочинением в программе диска, которое до этого момента я не исполнил на сцене. Всё остальное было обыграно многократно.

– Вам хотелось что-то исправить, переслушивая запись?

– Чем больше времени проходит, тем меньше она мне нравится. Кажется, что всё надо переписывать. Это так же, как с концертным выступлением. Когда выходишь со сцены, кажется, что у тебя был успешный концерт. Потом проходит время, ты переслушиваешь его запись и понимаешь, что многое не нравится: меняется трактовка, собственное восприятие, ощущения, появляются новые идеи. В какой-то момент нужно просто остановиться. Говорю себе: «Лучшее – враг хорошего, лучше сделаю в следующий раз».

– С 2019 года вы являетесь артистом компании Yamaha, при поддержке которой был записан альбом. Какой должна быть формула идеального инструмента?

– Как не существует идеальных исполнителей, так не существует и идеальных инструментов. Каждый концертный инструмент, как и исполнитель, имеет свои индивидуальные особенности, свой характер, тембр. Для меня лучший инструмент – тот, который я хорошо знаю. Когда знаком с инструментом, понимаешь, что с ним можно сделать и что он может тебе дать, знаешь его характерные черты. Когда я готовился к конкурсу имени Чайковского, у меня была возможность заниматься в Артистическом центре Yamaha. На конкурсе я играл на рояле Yamaha CFX, который специально привезли из Японии.

– Уже планируете новый диск?

– Задумок много, пока трудно расставить приоритеты. Есть произведения, которые я обязательно хочу записать в ближайшее время. Сергей Леонидович Доренский советовал не делать больших перерывов, записываться как можно чаще. До лета у меня много концертов, думаю, к следующему сезону запишу.

– Как скорректировал жизнь вынужденный карантин?

– Как и всем музыкантам, пришлось отказаться от гастролей: одни перенесли, другие отменились. Но я старался провести время с пользой. Благодаря карантину я смог окончить аспирантуру, дописать и защитить диплом. Все зачёты и экзамены сдавал онлайн. Защита проходила в формате видеоконференции. И, конечно, прошлогодний весенний карантин ускорил запись диска. Если бы у меня был плотный концертный график, возможно, на неё не хватило бы времени.

– Что нас ждёт?

– Будет много концертов по России и в Европе. Надеюсь, всё сложится. ■

Фото: Олимпиа Орлова, пресс-служба фирмы «Мелодия»

РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОЮЗ

IMC ЧЛЕН МЕЖДУНАРОДНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО СОВЕТА

EMC ЧЛЕН ЕВРОПЕЙСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО СОВЕТА

В СОСТАВЕ РМС ДЕЙСТВУЕТ ВОСЕМЬ ГИЛЬДИЙ:

- Гильдия композиторов
- Гильдия академического исполнительства
- Гильдия джазового и эстрадного искусства
- Гильдия музыкознания
- Гильдия музыкального менеджмента
- Гильдия музыкального образования
- Гильдия звукорежиссеров
- Гильдия молодых музыкантов

РМС – ЭТО:

- новые условия для творческой деятельности в контексте живого сотрудничества музыкантов разного профиля, музыковедов и организаторов музыкальной жизни;
- участие в различных художественно-просветительских и образовательных проектах РМС;
- защита авторских и смежных прав и юридическая помощь в вопросах, связанных с профессиональной деятельностью;
- возможность реализации индивидуальных творческих проектов в случае их очевидной общероссийской или региональной значимости;
- статусный знак признания профессиональных заслуг музыканта.

ПРИГЛАШАЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МУЗЫКАНТОВ К ВСТУПЛЕНИЮ В РМС!

Подробности на сайте: www.rmu.org.ru

НЫРНУТЬ С ГОЛОВОЙ

Композитор Владимир Горлинский
проводит мастер-класс

Олеся Колотыгина (кларнет) и Александра Кобрина (виолончель)
исполняют «Харизму» Яниса Ксенакиса

РМС провёл для музыкантов исполнительский практикум по современной музыке

*Текст: Виктор ВАГАНОВ
при участии Ольги Пашиной*

Ассоциация современной академической музыки Гильдии композиторов Российского музыкального союза (РМС) и Московский ансамбль современной музыки (МАСМ) провели Второй исполнительский практикум современной музыки. Его слушателями стали 40 студентов – в два раза больше, чем в прошлом году. Как отметила педагог по классу виолончели, солистка МАСМ Ольга Дёмина, люди стали больше интересоваться современной музыкой и молодые музыканты захотели учиться её понимать.

На участие в недельном курсе, состоящем из лекций, мастер-классов, индивидуальных занятий, репетиций, было подано более 90 заявок. После предварительного

конкурсного отбора приёмная комиссия из профессионалов отобрала лучших.

В классе преподавателя флейты Ивана Бушуева три флейтиста, три перформера. Ему интересны студенты, работающие на грани академической и современной музыки, в частности электронной. Набирая учеников, он руководствовался способностями последних воспринимать новый репертуар:

– Я старался логически понять, с каким репертуаром я мог связать того или иного человека, и скорее оттолкнуться больше от этого, чем от того, что он хорошо играет, – говорит солист МАСМ и преподаватель ГМПИ имени М. М. Ипполитова-Иванова.

На лекции в дни практикума

Вместе с возросшим числом участников практикума расширились и сами учебные направления. Если в прошлом году занятия по импровизации были из тех, которые, как говорится, по желанию, то в этом композитор Владимир Горлинский целенаправленно привлёк студентов.

Среди слушателей практикума как студенты музыкальных вузов и колледжей, так и выпускники – начинающие музыканты.

– Утром у нас лекции, которые читают приглашённые композиторы. Слушателям очень интересно общаться с ними. Потом индивидуальные уроки. Третий род деятельности – репетиции в ансамбле, – рассказывает преподаватель класса фортепиано, декан факультета исторического и современного исполнительского искусства МГК им. П. И. Чайковского, профессор Михаил Дубов. – Но у нас не просто выросло число слушателей, посетивших лекции, индивидуальные занятия, репетиции ансамбля. В этом году я в большей степени почувствовал атмосферу творческого взаимодействия – как ребят друг с другом, так и с педагогами. Мы учим писать свою музыку и даём возможность её услышать: очень важна интенсивность практикума. Раньше ребята ездили за ней за рубеж. Сейчас это происходит у нас. Такая интенсивность себя оправдывает.

Занятия проходили на известных городских площадках – в залах и аудиториях галереи «ГРАУНД Солянка», Театрально-культурного центра имени Всеволода Мейерхольда, Международной ассоциации композиторских организаций (МАКО). Все находятся в пределах Третьего кольца, в шаговой доступности от центра, но на изучение столичных достопримечательностей у студентов из других городов времени нет. В 10.00 – начало, в 21.30 – завершение занятий. Так каждый день. В сжа-

тые сроки слушатели изучают новые исполнительские техники, импровизацию, проходят мастер-классы и репетируют в ансамблях. А вместе с этим увеличилась площадка для их творческого взаимодействия друг с другом, чего в обычном образовательном процессе достичь намного сложнее.

Это время, когда, как говорит педагог Иван Бушуев, нужно в практикум нырнуть с головой:

– Тусовки и новые знакомства полезны, но не должны вступать в конфронтацию с занятиями, от которых зависит последующий подход к современной музыке. За неделю невозможно научиться. Наша задача – дать основные «уровнения», по которым решаются последующие задачи... Но у студента появляется новая форма ответственности, которую он экстраполирует на то, что будет происходить дальше. Эту ответственность мы должны культивировать.

– Наше академическое образование – консервативное. И правильно то, что оно воспитывает на классике, – комментирует свои впечатления от занятий преподаватель по классу кларнета, заслуженный артист РФ, преподаватель Академического музыкального училища при МГК Олег Танцов.

– Но всё-таки есть и современное искусство, в том числе и современная музыка, которой уже 80 лет. Её игнорировать никак нельзя. К сожалению, из-за железного занавеса она для нас была закрыта. Сейчас мы преодолеваем это наследие советского времени и открываем глаза музыкантам на вещи, которые необходимо знать, исполнять...

Отрадно, что в столице, Санкт-Петербурге, Перми, Казани площадок для постижения современной музыки становится всё больше. Однако в большинстве городов, как прежде, отсутствуют сцены, мастера-педагоги, ан-

самбли и солисты, не говоря уже о самом музыкальном материале. Об этом рассказала директор МАСМ, председатель практикума и Ассоциации современной академической музыки Гильдии композиторов РМС Виктория Коршунова:

– Перспективы проекта вижу в увеличении числа студентов, которые могут приехать из регионов. Потребность в исполнителях, играющих современную музыку, растёт не только в столице, но и за её пределами.

Поэтому особенно востребованными у студентов на этот раз стали ансамблевые репетиции. В сравнении с прошлым годом их стало больше, увеличилось и число самих составов. Молодые музыканты объединились в небольшие камерные коллективы, чтобы учиться слышать, слушать, подхватывать друг друга, без чего, собственно, невозможна современная музыка. И как результат – блестящий финал практикума, в котором студенты дали три ярких концерта. У большинства выпускников теперь в жизни появился новый, совершенно незабываемый этап творческой биографии, за которым обязательно последует другой...

Председатель Ассоциации современной академической музыки Гильдии композиторов РМС Виктория Коршунова

Фото: Владимир Яроцкий

ПИСЬМА ИГОРЯ БЛАЖКОВА

Российский музыкальный союз совместно с Российским фондом культуры и издательством «Композитор • Санкт-Петербург» обошли зарубежных издателей и выпустили трёхтомник «Книга писем» известного дирижёра

Текст: **Дмитрий ХАБАРОВ**

С начала 2000-х Игорь Блажков живёт в Германии и уже не стоит за дирижёрским пультом, но его имя, как прежде, хорошо известно в музыкальных кругах далеко за пределами бывшего СССР. Дирижёр, музыкант, народный артист Украины. В 60-х годах после Ленинградской консерватории работал в Ленинградской филармонии, дирижировал Оркестром Евгения Мравинского. В 70-е возглавлял Киевский камерный оркестр, в 80–90-е руководил Государственным симфоническим оркестром Украины.

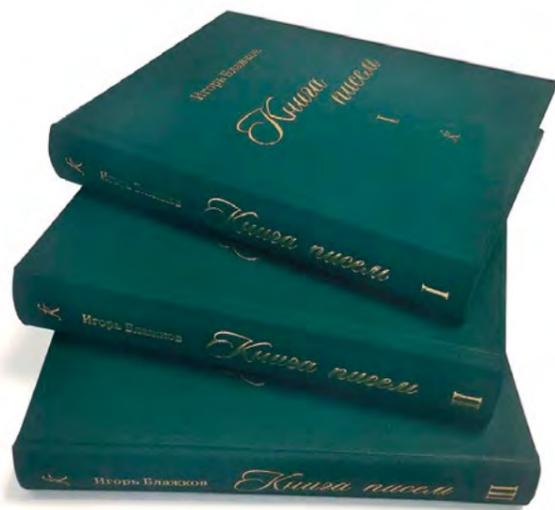

Фото: Евгения Копица; использованы иллюстрации из книги Игоря Блажкова «Книга писем»

Игорь Блажков стал первым, кто исполнил запрещённого в Советском Союзе Стравинского, реанимировал после 30-летнего забвения Вторую и Третью симфонии Дмитрия Шостаковича, познакомил соотечественников с авангардными сочинениями Чарльза Айвза и Эдгара Вареза, Антона Веберна и Андрея Волконского, Эдисона Денисова и Николая Каретникова. И, как правило, прежде чем дирижёр подходил к своему пульту, конференсье чаще всего объявлял: «Исполняется впервые...» Его талант высоко ценили коллеги, музыканты, критики, слушатели. Среди них Геннадий Рождественский, Мария Юдина, Игорь Стравинский. Параллельно профессиональной деятельности Игорь Иванович на протяжении всей жизни вёл с ними активную переписку. Письма своих великих собеседников, отправленные с 1959 по 2016 год, собирал, складывал, хранил. А однажды, получив

генеральный директор, главный редактор издательства «Композитор • Санкт-Петербург», член Совета РМС Светлана Таирова. – К сожалению, Игорь Иванович ответил, что у него уже имеется шесть предложений от зарубежных издательств и он пока не решил, кому отдать предпочтение.

...Они познакомилась на заре 60-х годов, когда Светлана Эмильевна возглавляла музыкальную редакцию Ленинградского радио. Это был период активной деятельности Блажкова. Дирижёр и редактор вместе записывали концерты, делали многочисленные интервью. Но, несмотря на столь долгую, более чем полувековую дружбу, за право выпуска книги пришлось побороться.

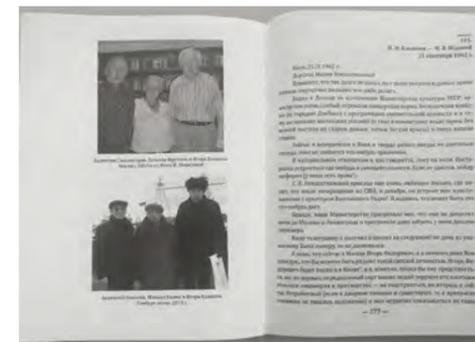
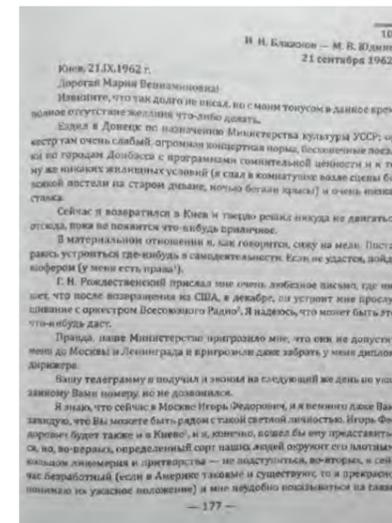
– В течение двух лет я убеждала Блажкова, что его коллекция является национальным достоянием России, что большинство писем написаны по-русски и адресо-

Игорь Блажков (слева) с Геннадием Рождественским. Берлин, 2009 год

Игорь Блажков и Мария Юдина. Ленинград, 1962 год

Главы из «Книги писем»

ваны дирижёру, который исполнял эту музыку в России. К чести Игоря Ивановича, после длительных сомнений, в конце 2017 года он сообщил, что решил принять моё предложение и понял, что эта книга должна быть опубликована и остаться в России.

В три тома уникального издания вошли размышле-

ния более 100 выдающихся деятелей культуры об исторических событиях, свидетелями которых они стали, а также о роли и назначении искусства. Сборник можно назвать летописью почти полувековой истории музыкальной культуры второй половины XX – начала XXI века. Он включает свыше 1000 писем от самых знаковых фигур времени: композиторов, исполнителей, музыковедов, с которыми общался Игорь Иванович Блажков. Книга адресована историкам, искусствоведам, студентам гуманитарных вузов и всем, кто интересуется музыкой.

Издание будет распространяться на безвозмездной основе через библиотеки, вузы, театральные студии и другие учреждения культуры. По вопросам получения книги просьба обращаться в Российский музыкальный союз: +7 (495) 961-41-26, info@rmu.org.ru. ■

по интернету электронное письмо, осознал, что эра эпистолярного жанра окончена. Тогда maestro приступил к созданию «Книги писем». Ещё на этапе формирования будущей сборник вызвал огромный интерес зарубежных издателей. Ведь о коллекции maestro было хорошо известно за границей.

– Когда я узнала, что Игорь Иванович работает над «Книгой писем», сразу позвонила ему и предложила выпустить его труд в нашем издательстве, – рассказывает

ЧЕХОВ В РЕАЛЬНОСТИ-2021

Сергей Безруков зажёт огни фестиваля «Мелиховская весна»

Текст:
Виталий ЛЕСНИЧИЙ

В зрительном зале на открытии. На переднем плане в центре слева направо генеральный директор музея-заповедника «Мелихово» Константин Бобков, народный артист России Сергей Безруков, министр культуры Московской области Елена Харламова, глава городского округа Чехов Григорий Артамонов

Артисты театра «Чеховская студия» музея-заповедника «Мелихово» в театрализованном представлении по случаю открытия «Шоу не будет?»

Сергей Безруков на прогулке по усадьбе

Оpen air в усадьбе

21-й по счёту в статусе «Международный» и 38-й театральный. По Чехову и о Чехове. Многие годы его традиционно опекает Национальный фонд поддержки правообладателей. Мог бы стать 22-м и 39-м, но в прошлом году из-за пандемии был отменён. Зато теперь, несмотря на сложности перемещения и продолжение ограничений, на фестиваль пожаловали как те, кто планировал выступить тогда, так и приглашённые ныне. В результате после двухлетнего перерыва «Мелиховская весна» побила рекорд по числу участников программы. Порой по три спектакля в день. Билеты на большинство раскупили уже к открытию. Со скупились!

Мелихово – это open air. Сцена в тени цветущего сада на веранде главного дома усадьбы. Неподалёку пруд, вокруг которого гуляют важные гусак и гусыня. Такой концентрации чеховского слова, пожалуй, больше нигде не встретить. 26 спектаклей и театрализованных выступлений за 10 дней. В гостях коллективы из Вологды, Владимира, Нижневартговска, Липецка, Тюмени, Мытищ, Серпухова, Сергиева Посада, Испании, Польши, Израиля, Украины. Москву представили театр «У Никитских

ворот», московский Театр Олега Табакова, Московский Губернский театр, «Театральный особняк», Театр-студия Всеволода Шиловского, камерный театр «Диалог». Также выступили студенты ВГИКа, мастерской Игоря Ясуловича, Театра юных москвичей, в котором играют ученики разных лет Олега Ефремова. Организаторы порадовали зрителей и новыми именами, и оригинальными составами. На церемонии открытия имя классика звучало с должным придыханием и почтением – не иначе как Антон Павлович.

Премьеры-фантазии

Хозяева фестиваля, театр «Чеховская студия» музея-заповедника «Мелихово», дали две премьеры. Первая – спектакль «После Чехова» режиссёра Рустема Фесака по одноимённой пьесе Аси Датновой. Эта работа победила в номинации «Выбор музея» в Лаборатории для молодых драматургов, которую музей организовал и провёл во время пандемии. Фантазия по письмам, воспоминаниям, дневникам писа-

Сергей Безруков в роли Войницкого в спектакле «Дядя Ваня» Московского Губернского театра на другой площадке фестиваля – на сцене культурно-творческого центра «Дружба» в городе Чехове

«НА 100% ЗАПОЛНЕННЫЙ ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ – ЭТО И ЕСТЬ ДЛЯ НАС ТО САМОЕ НЕБО В АЛМАЗАХ»

теля и окружавших его женщин: Марии Чеховой, Ольги Книппер-Чеховой, Лидии Авлиловой. Автор сводит героинь в больничной палате уже после смерти писателя. За окном сталинское время. Женщины подводят итоги, а вместе с этим выясняют – кто же из них была главной в жизни Чехова?.. А под занавес фестиваля студия представила спектакль по произведениям Ивана Бунина «Я очень русский человек» режиссёра Кирилла Лоскутова. В этом году Иван Алексеевич приглашён в усадьбу в рамках специальной программы «В гостях у Чехова». В основе постановки фантазия о личном восприятии Иваном Алексеевичем своих рассказов из цикла «Тёмные аллеи». Спектакли по Бунину показали также театр драмы и комедии «Фэст» из Мытищ и Липецкий академический театр драмы им. Л. Н. Толстого – тот самый, который в июне 1982 года впервые поставил в усадьбе Чехова спектакль, чем положил начало фестивалю.

В атмосфере усадьбы, где писателем созданы «Дядя Ваня», «Чайка», «Палата № 6», «Человек в футляре», «Ионыч», каждый спектакль воспринимается особенно. Зрители не только видят разные интерпретации одного и того же произведения, но и сравнивают, и слышат Чехова на другом языке. Театральная студенческая группа при школе драматического и киноискусства «Анима» из испанского Бильбао представила «Дядю Ваню» на испанском языке, а театр «День смерти Моцарта» из Варшавы по мотивам известных пьес сыграл «Три сестры... Прощание с садом» на польском.

В расстроенном мире

Для многих театралов фестиваль «Мелиховская весна» давно стал точкой кульминации в отношениях с любимым писателем и его творчеством. Пожалуй, никто, кроме Чехова, так не писал о человеке и житейском мире, в котором он живёт. С 2020-го наш мир очень чеховский – немного растерянный, расстроенный, испуганный, совсем не сильный, но дышащий и как-то идущий дальше. Об этом в своей театрализованной программе по случаю открытия «Шоу не будет?» пели, говорили артисты. Среди почётных гостей министр культуры Московской области Елена Харламова, художественный руководитель и режиссёр Московского Губернского театра Сергей Безруков. В Мелихово народный артист приехал не с пустыми руками.

– Я рад, что в «Мелиховской весне» участвует наш спектакль «Дядя Ваня», который я поставил и в котором сыграл Войницкого. Думаю, после израильского «Дяди Вани» будет интересно увидеть нашего, российского. Тем более я играю своего ровесника. Мне сейчас, как Ивану Петровичу Войницкому, 47 лет. Мне кажется, спектакль получился довольно интересным. Знаете, есть понятие валюты, которое ещё никто не отменял, несмотря на долговую борьбу с долларом и евро в стремлении укрепить рубль. Мы держимся, они всё растут, а мы силы теряем. Но хочется, чтобы рубль был таким же крепким, как в

начале прошлого века, когда жил Чехов. Пока это не очень получается. Но у нас есть очень серьёзная валюта – искусство. Антон Павлович – наша настоящая валюта. Это второй автор на свете после Шекспира, которого ставят во всём мире. Он был скромным человеком, стеснялся великих званий. Себя великим не считал. Но мы, потомки, да простит Антон Павлович, назовём его великим автором, великим драматургом, который оставил такое наследие, которое покорежит всякого рубля.

«АНТОН ПАВЛОВИЧ – НАША НАСТОЯЩАЯ ВАЛЮТА»

– Сергей Витальевич, расскажите о своём «Дяде Ване». Его так много, что, пожалуй, трудно не повторяться...

– В репертуаре Губернского театра это второй спектакль по Чехову. Первым был «Вишнёвый сад», который родился в Любимовке, где Чехов гостил у Станиславского. Идея Мелихова ему пришла, пока он косил траву в усадьбе у Константина Сергеевича. После этого Антон Павлович решил обзавестись своим «имением» – дачей, где можно было бы найти уединение. А я в Любимовке создавал «Вишнёвый сад», который потом воплотился на сцене Московского Губернского театра. Я рад, что артисты тогда прикоснулись к Чехову. «Дядя Ваня» родился благодаря стечению обстоятельств: наверное, так звёзды сошлись. Уж не знаю, сколько я его читал. Проходил в школе, потом

в институте, знал вдоль и поперёк, пересмотрел все спектакли, которые есть, а уж тем более в пандемию. Знаете, пандемия располагает смотреть спектакль про дядю Ваню. Сцены сельской жизни никто не отменял. Но надо было обновить, освежить и уж тем более, как режиссёру, не повторяться. Захотелось своего видения, прочтения, сделать спектакль современным, но не осовременивая, как порой поступают режиссёры, считая себя авторами. По моему глубокому убеждению, режиссёр, который уважает автора, должен ставить текст в том первоначальном виде, который был написан великим драматургом. Будь любезен уважать великого автора. Чеховский текст уже стал хрестоматией. Его порой трудно произносить артистам, потому что он всегда на слуху. Уже знаешь, как его произносили Ефремов, Смоктуновский, Бондарчук... Мне очень хотелось найти свежую интонацию. И эта идея мне пришла в пандемию. Она спровоцировала историю «Дяди Вани». Когда я был заперт в собственном «имении» – небольшом, подмосковном, которое называется дача. Мы всей семьёй там полгода отдыхали без средств к существованию. Я сам выводил рассаду, сажал помидоры, огурцы... Мы завели с женой кур. Я занимался деревенской жизнью – той, когда всё своё, кроме лошадей и коров. Хотя в будущем, возможно, ими обзаведусь. А потом подумал: мне же 47 лет. Конечно, в отличие от дяди Вани, я во многом себя считаю реализованным человеком, потому что у меня есть театр, у меня опыт, профессия, в которой я очень долго уже существую. Есть великие учителя, которые дали мне возможность жить в этой профессии, прямо скажем, хорошо. Я не обижен ролями, я не обижен предложениями. И тем не менее в эпоху пандемии ты понимаешь, что театр – это

самое опасное место, для того чтобы служить ему. Ведь театр в какой-то момент начинает умирать. Особенно когда запретили зрителей в театре и все ушли на изоляцию. Но мы продолжали работать даже тогда, когда не понимали, будет ли то светлое будущее и увидим ли мы небо в алмазах. Увидеть на 100% заполненный зрительный зал – это и есть для нас то самое небо в алмазах. Антон Павлович писал про веру в будущее, но для нас она под стать вере в искусство – в то, что мы служим зрителю. Это очень важная составляющая нашей жизни. Если кто-то думает, что у нас есть свои фабрики, заводы, фирмы, которые дают нам возможность жить, – неправда. Мы живём искусством. Если у нас его отнять, мы закончимся. И когда в пандемию стало

смотрите на Вафлю (Телегина). Практически никто после спектакля не вспоминает этого персонажа. Все говорят об Астрове, Войничком, Серебрякове, Елене Андреевне, Соне, няне, и почему-то Вафля некий аутсайдер. А у Чехова это очень важный персонаж. Он – символ настоящей веры. Посмотрите, как Михаил Шилов играет Телегина. Мне кажется, в эпоху потрясений в спектакле возникло какое-то откровение. Надеюсь, потрясения закончились. Надо видеть небо в алмазах, хотя бы издали.

– Раньше бывали в Мелихове?

– Конечно. Я учился в школе-студии МХАТ. Не побывать здесь было бы кошунством. Мы, студенты, в Мелихове впервые

«ПАНДЕМИЯ РАСПОЛАГАЕТ СМОТРЕТЬ СПЕКТАКЛЬ ПРО ДЯДЮ ВАНЮ»

непонятно и неизвестно, что будет завтра, а у тебя семья, дети, я подумал: надо как-то жить. Вот здесь и возникло ощущение дяди Вани, Войничкого. Оно спровоцировало мечты и мысли о постановке «Дяди Вани». Могу долго говорить про свой замысел, задумки, находки, о том, как в бессонные ночи в пандемию сходил с ума, запырлся, разбирал каждое слово в этой пьесе, искал образы, символы...

– С актёрским составом всё сложилось быстро?

– В театре замечательный актёрский состав, в котором очень хороший расклад. Антон Хабаров младше меня, как его герой Астров в «Дяде Ване». Во многих постановках очень часто это важное обстоятельство не соблюдается. Иногда вообще Астров старше Войничкого. Как режиссёр, по Станиславскому, я растворялся в артистах. Мне было очень важно, чтобы мои партнёры на сцене были потрясающие. Посмотрите на Елену Андреевну (Карина Андоленко), на нашего профессора Серебрякова (Григорий Фирсов), на Соню (Диана Егорова)... По-

прикасаюсь к русскому театру, к русской драматургии. Здесь совершенно фантастическая атмосфера. Её отмечаешь везде, где жил Чехов, – и в Ялте, и в Гурзуфе. Я мечтал там искупаться, но не рискнул. Очень много людей было на пляже. Я постоял, причастился, внутренне умылся. Меня поразило тот факт, что Антон Павлович никогда не ночевал в Гурзуфе, в этом домике, который купил. Там очень свежий морской воздух. Этот бриз был ему вреден. Поэтому он писал «Три сестры» днём, а на ночь уходил в гостиницу. Представляете? А Ялта совершенно уникальна. Очень хочется сыграть в ялтинском доме. Там совершенно потрясающее место. Если в Мелихове появится туристическая инфраструктура, гостиница, здесь также смогут останавливаться не только участники фестиваля, но и посетители, которым дорого имя Антона Павловича Чехова. Главное, надо приезжать! ■

До встречи следующей весной!

Фото: Залина Фисенко

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ПОДДЕРЖКИ
ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ

Министерство культуры
Свердловской области

Национальный фонд поддержки
правообладателей

Региональная молодёжная ЛАБОРАТОРИЯ ТЕАТРА И ФОЛЬКЛОРА

- ПОДГОТОВКА И ПОКАЗ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ СПЕКТАКЛЕЙ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ
- СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ТАЛАНТЛИВЫХ СТУДЕНТОВ ТЕАТРАЛЬНЫХ ВУЗОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АКТЁРОВ
- ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЗРЕЛИЩНЫХ ПОСТАНОВКАХ

Художественный руководитель –
актёр театра и кино
МАКСИМ ЛИННИКОВ

РЕКЛАМА

представляет

Новости проекта
и информация
о следующих
спектаклях:
WWW.FOLK-LAB.RU

САТИ СПИВАКОВА: В ОКРУЖЕНИИ НЕСКУЧНОЙ КЛАССИКИ

Текст: Татьяна БУТУРЛИНА

Актриса, литератор, журналист и светская персона – в большей степени Сати всё-таки обязана своей известностью телевидению, где она почти 20 лет является едва ли не главным экспертом по классической музыке. На прошедшем в Гостином Дворе книжном фестивале Non /fiction-2021 одна из презентаций была посвящена её новой книге «Нескучная классика. Ещё не всё». В своей книге она собрала самые интересные диалоги минувшего десятилетия, рассказав о встречах с великими музыкантами, дирижёрами, танцовщицами, балетмейстерами, актёрами и писателями... Недаром на презентацию собралось большое число поклонников, которые задали Сати самые разнообразные вопросы, но больше всего интересовались историями её знакомств со знаменитостями.

Фото: предоставлено PR-службой редакции Елена Шубиной

Не сходя с дивана

– Ваша книга родилась во время пандемии. А как вообще вы пережили этот период?

– Как ни странно, пандемия оказалась в помощь, подарив мне драгоценное время для отбора тех бесед, которые, на мой взгляд, наиболее полно раскрывали личности героев. Я начала готовить эту книгу ещё в марте прошлого года, спасаясь от ковида, под дивные звуки скрипки мужа, на два месяца почти приклеившись к дивану. Тогда наш мир съёжился до размера жилплощади, а наши чувства, напротив, гипертрофировались до самых глубин бессонницы. А вышла книга в октябре – именно в тот момент, когда ковид меня всё-таки настиг. И опять, лёжа на том же диване, только без сил, пыталась вылезти из этой гадости. Но я всегда знала и верила, что как бы дальше ни сложилась моя профессиональная жизнь на телевидении, для огромного числа зрителей моя программа «Сати. Нескучная классика» стала настоящим камертоном любви к классической музыке.

Получившаяся таким образом книга – это собрание бесед, каждую главу предваряет моя преамбула. В конце каждой главы обозначен перечень музыкальных сочинений, звучавших в программах. Таким образом, читатели при желании могут их легко отыскать и послушать, составив музыкальный портрет моих героев. Среди них Майя Плисецкая и Родион Щедрин, Михаил Шемакин, Татьяна Черниговская, Алла Демидова, Фанни Ардан, Валентин Гафт, Сергей Юрский, Андрей Кончаловский и многие другие...

– А какие встречи произвели на вас самое сильное впечатление?

– «Нескучной классике» 20 апреля этого года исполнилось 11 лет. Для телевидения это солидный возраст. Я даже не заметила, как пролетело время. И благодарю

всех гостей моих программ. У каждого из них в книге главная роль. Сложно выделить кого-то одного, да и некорректно. Могу точно сказать, что эта книжка, состоящая из 36 глав и рассказывающая о 36 героях, – далеко не полная. В «запасе» ещё минимум две такие. Могу отдельно отметить те встречи, которые больше никогда не состоятся. Например, с великой Майей Плисецкой.

Встречи при свечах

– Вы помните первого гостя своей программы? Почему выбор был сделан именно в его пользу?

– Когда начинала вести цикл программ, то первой пригласила как раз Майю Плисецкую. И она немедленно согласилась. Моя слуховая память навсегда сохранила неповторимый тембр её голоса и то, как она тогда нежно произнесла моё имя: «Конечно, Сатенька, я буду!» Майя Плисецкая стала доброй феей программы, её ангелом-хранителем. Передача получилась очень тёплой, домашней. Недаром в нашей студии всегда горят свечи, создавая атмосферу домашнего уюта. Так было задумано с самого начала. Мы даже подсчитали: за 10 лет съёмки сожгли 15 557 свечей.

– Какие моменты личных встреч наиболее запомнились?

– С Михаилом Шемякиным мы были знакомы очень давно. Но изначально, ещё до личной встречи, в нашей парижской квартире «поселились» его работы: две скульптуры зелёной бронзы, два гофмановских персонажа. Это были одни из самых удачных приобретений в наших с мужем бесконечных блужданиях по блошиным рынкам.

«ВЗАХЛЁБ ПРОГЛОТИЛА “САД” МАРИНЫ СТЕПНОВОЙ»

В музыкальном портрете Сати Чайковский и Малер, Мина, Челентано, Азнавур...

Фото: Екатерина Чесокова / РИА Новости

С мужем Владимиром Кошевым – художественным руководителем и главным дирижёром Национального филармонического оркестра России и Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы»

Фото: Екатерина Чеснокова / РИА Новости

И когда спустя несколько лет Шемякин со своей женой Сарой де Кэй оказался у нас в квартире, он был удивлён и одновременно обрадован встрече с ними. Также я благодарю судьбу за встречу с Татьяной Черниговской, которая для меня стала настоящей путеводной звездой и близким другом. Двухчасовая беседа в студии продолжилась в интенсивной переписке по электронной почте, за которой последовала череда личных встреч. Для меня она целая вселенная! Нельзя не упомянуть и о моём знакомстве с Шарлем Азнавуром, который ещё при жизни стал легендой. Хорошо помню: мне семь лет. Родители вернулись с гастролей во Францию и привезли невероятные трофеи, среди которых кассетный магнитофон из серебристого металла. И первое, что раздалось из этой волшебной конструкции, – хрипловатый мужской голос, поющий *La bohème* на непонятном мне языке. У меня сразу появилась мечта – понять, о чём поёт тот голос. И мне нашли француженку, с которой я два раза в неделю начала изучать французский. Помню, как впервые увидела его. В начале 1990-х я оказалась в Париже, когда Азнавур давал серию концертов с Лайзой Миннелли во Дворце конгрессов. В антракте, на ватных ногах, я в тол-

«НАДЕЮСЬ, ЧТО МОЙ ТРУД БУДЕТ ИНТЕРЕСЕН И ВОСТРЕБОВАН»

пе пошла с ним знакомиться. В огромной комнате стоял маленький усталый человек, на сцене он всегда казался больше... Спустя 10 лет меня уже лично познакомили с ним в Москве в компании армянских друзей. Он всегда внимательно слушал собеседника, иногда шутил, но юмор его тоже был каким-то тихим. Казалось, он постоянно погружён в себя, как будто берёт силы. Шарль Азнавур несколько раз приезжал в Москву, но мне так и не удалось пригласить его в студию...

– Кто сейчас ваши гости?

– Один из новых выпусков – моя встреча с Кириллом Серебренниковым. Мы говорили о том, какую роль сыграла музыка в его жизни, и не только об этом... Кирилл сейчас, мягко говоря, нечастый гость федерального телевидения. В анонсе программы мы процитировали его слова: «Один из вариантов сохранить себя, не попадая под влияние общих истерических настроений, – заниматься любимым делом. Везде, где можно».

От мужа в восторге

– Вы всегда подчёркиваете, что личность человека можно узнать через музыку. А какой бы музыкальный саундтрек вы поставили о себе?

– О, он каждый раз меняется. Но есть и стабильные вещи. Наверное, это не оригинально, но я очень люблю Пятую симфонию Чайковского и «Адажиетто» Малера. Вообще очень многое люблю из Малера. Видимо, это связано с Лукино Висконти, с этим декадансом, с Венецией. Всякий раз прихожу в восторг, когда слышу скрипичную «Прустовскую сонату» Франка в исполнении моего мужа. У меня огромное количество музыки в голове... В свой «музыкальный портрет» я бы также включила и итальянскую певицу Мину, и Челентано!

– Сати, а что любите читать? Что сегодня лежит на прикроватной тумбочке?

– Если честно, в последнее время до конца дочитываю очень мало книг... Начинаю и останавливаюсь... Недавно на моём столе появилась книга «Это я – Эдичка» Эдуарда Лимонова. Вероятно, навеяло ко дню его рождения. Дошла только до середины. А вот захлеб проглотила «Сад» Марины Степновой. Это как раз тот самый с юности случай, когда так зачитываешься, что забываешь о времени. Видимо, попала книга ко мне в нужный час и нужное время. Вообще, много литературы я читаю по работе, для подготовки к новым ролям в театре.

– Кстати, на какой сцене вас можно увидеть?

– После полугодового перерыва мы с Басинией

Шульман и Владимиром Кошевым наконец играем очень важный для нас спектакль «Высокая вода венецианцев», где звучит бесмертная музыка Баха, Скарлатти, Шостаковича, Листа... Этот спектакль – первое и пока единственное сценическое воплощение прозы Дины Рубиной. В нём доминанта – Венеция – прекрасная и гибнущая, символ ускользающей вечности. Но я не могу сказать, что мне дороже, потому что параллельно у меня идёт спектакль «Нежность», в котором я по-прежнему играю, «Машина Мюллер» в Гоголь-центре, осталась любимая мною Полина Виардо (спектакль «Тургенев. Метафизика любви»).

– Подзаголовок вашей книги звучит обещающе: «Ещё не всё». Ждать ли скорого продолжения?

– Очень надеюсь, что у нас всех ещё далеко «не всё». И что ещё долго это «не всё» продлится. Я не отношу себя ни к музыкантам, ни к писателям, но надеюсь, что мой труд будет интересен и востребован. Надеюсь, мои будущие герои также найдут своего достойного зрителя и читателя.

Сати Спивакова и Владимир Кошевой в сцене из спектакля «Тургенев. Метафизика любви» по сценарию Сергея Соловьёва

Фото: Рамиль Ситдиков / РИА Новости

Музыкальное издательство

Ray Records

- Своя студия звукозаписи: запись, мастеринг, аранжировка, сведение треков, выпуск альбомов, запись рекламных аудиороликов
- Продвижение музыкального каталога, предоставление лицензий для использования в составе аудиовизуальных произведений (фильмы, реклама и т.п.), распространение на цифровых площадках
- Юридические консультации по вопросам авторских и смежных прав, услуги по приобретению лицензий на произведения, фонограммы, исполнения из каталогов иностранных и российских правообладателей
- Организация презентаций

www.rayrecords.ru

РЕКЛАМА

ХУДОЖНИК

ВЕРОНИКА ПОНОМАРЁВА

ВО ВСЕЛЕННОЙ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Вице-президент Ассоциации правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства УПРАВИС рассказала о новых проектах

Текст: Ирина ВАЛЬДЕС

Вероника родилась на борту самолета Киев – Ростов-на-Дону. Буквально в полёте. И теперь, спустя годы, художница перед каждым рейсом заранее готовит бумагу и карандаши. Она уже знает: самые яркие образы к ней придут на высоте 10 000 метров... Вероника не помнит, в каком возрасте начала рисовать, но с детства мечтала быть художником – окончила художественную школу, Московскую академию живописи. В 26 лет стала самым молодым художником, удостоенным персональной выставки в Московском музее современного искусства, а её картину Structure из серии Love Time музей выкупил для постоянной экспозиции. На 52-й Венецианской биеннале современного искусства работы Пономарёвой участвовали в экспозиции российских художников «Зима как состояние души». Искусствоведы называли её «одним из самых динамично развивающихся концептуальных российских живописцев». Но вопреки восторженной критике художница выбрала свой путь: неожиданно оставила масштабные арт-проекты, посвятила себя иконописи, выпустила книгу стихов и сняла несколько документальных фильмов. «Прямая речь» поговорила о причинах внезапного преображения, которое, как оказалось, Веронику сопровождает всегда...

В поисках местности

– Вероника, вы выросли в творческой семье?

– Мой папа Александр Пономарёв – музыкальный продюсер, работал с группами «Наутилус Помпилиус», «Браво», «Сплин», «Би-2». Его система воспитания: «всё разрешать, ничего не запрещать». В детстве я много времени проводила за сценой, ездила с ним на гастроли по всей стране, к нам домой часто приходили известные музыканты. Это было начало 1990-х – расцвет рок-н-ролла. Я росла в суровой мужской атмосфере: вокруг кипела отвязная жизнь, после дружеских застолий оставалась гора пустых бутылок, чад сигаретного дыма. Друзья папы искренне удивились, узнав, что я окончила школу с золотой медалью.

– Сомнений в выборе профессии не было?

– Я колебалась между Институтом стран Азии и Африки МГУ и Московской академией живописи. По дороге в приёмную комиссию случайно зашла в художественный салон: перебрала холсты, попробовала кисти, краски, вдохнула знакомые запахи. Дело в том, что разбавитель для красок имеет специфический запах. Людям, которые сталкиваются с ним впервые, чаще всего он не нравится. А для меня это запах моего детства. В этот момент сделала свой окончательный выбор и поступила в академию, о чём никогда не жалела.

– Потом окончили Литинститут, Высшие курсы сценаристов и режиссёров, стали успешным художником, теперь пишете стихи, сценарии, снимаете кино. А кем себя сами считаете?

**«ЛЮБОВЬ – ЭТО И ЕСТЬ
БЕСКОНЕЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА,
ОТМЕНЯЮЩАЯ ВРЕМЯ»**

– Несколько лет мучилась над вопросом самоопределения. Для успешного продвижения на мировом арт-рынке западные галеристы советовали мне работать в рамках одного художественного стиля. Но время шло, а я продолжала заниматься всем и сразу. Сейчас я считаю, что моя творческая жизнь – это большой холст, на котором я пишу различными инструментами: красками, словами, видеокамерой. Смысл созданного не меняется, а возможностей становится больше. Я – художник мультиинструменталист.

Из серии KRASSOTA

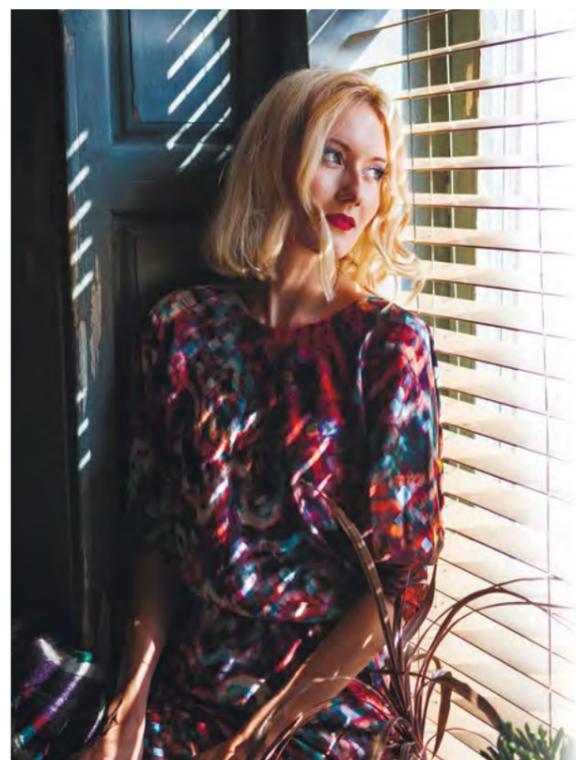

Фото: Валерий Лапшов

«ТВОРЧЕСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ МОЖНО РАСКАЧАТЬ»

– Где живёт ваше вдохновение?

– Моя формула жизни – маленький город у моря, где много солнца, света, цвета, родной язык и православная вера. Люблю Крымское побережье. Приступая к новой картине, в воображении уже вижу конечный результат. В этот момент я попадаю в состояние потока, которое даёт огромный заряд энергии и вдохновения. В этом состоянии приходят идеи, творческие силы, нужные люди, обстоятельства. Вообще творческое вдохновение можно раскачать. У творцов есть разные способы: кому-то необходимо воздействие алкоголя, состояние влюблённости или что-то ещё. Мне необходимы душевный баланс, тишина. Я мыслю серийно. Сначала формирую концепцию, драматургию, динамику, форму, а потом рисую сразу по 20–30 работ на одну тему. Например, выставка KRASSOTA была задумана в стиле гиперреализма, когда художник замечает каждую деталь, игру теней, бликов света, не упуская ни одного штриха. Красота кроется в деталях, я по-разному вижу её в разных вещах.

– Вы пишете по вдохновению или каждый день по часам?

– Когда работаешь дома, всегда есть соблазн долго раскачиваться. Сейчас, когда у меня родился сын, моё рабочее время стало строго лимитировано. Рисуя, чаще всего слушаю лекции, музыку, аудиокниги, чтобы занять голову, пока работают руки.

Среди миров

– Ваша специализация – «Монументальная живопись». Совсем не женское направление....

– Согласна, у меня всегда была тяга к гигантомании. Красоту маленького холста я поняла позже. Когда перед тобой лежит белоснежный холст 3x3 метра, тебе кажется, что это Вселенная, и необходимо создать на нём что-то прекрасное. Такая работа начинается с большого вдохновения, а заканчивается большим трудом. Чтобы работать с таким форматом, нужно много энергии и

Фото: из личного архива Вероники Пономарёвой

«Ангелы»

«Между небом и землёй»

силы воли. Где-то в середине пути силы покидают, и кажется, что ничего не получится. Если сомнения удаётся перебороть, чувствуешь себя победителем.

– Сколько времени занимает работа над картиной размером девять квадратных метров?

– Около двух месяцев.

– Приходилось над столь объёмными работами сдаваться?

– Думаю, у каждого художника есть своё маленькое кладбище незавершённых работ. Неоконченные холсты – это брошенные дети: они живут в мастерской и тихо зовут творца к возвращению. Всё в этом мире стремится к воплощению, реализации, росту. Иногда, спустя время, возвращаюсь к своим «брошенкам».

– Самую масштабную работу можете назвать?

– В 2008 году по моей инициативе состоялся стрит-арт-проект, который мы назвали «Красота. Города». Команда молодых художников выбрала непрезентабельные кварталы в 11 крупных российских городах и преобразила их до неузнаваемости. Что нас окружает? Безликие многоэтажки, серые офисы, однотипные автомобили, бездуховная музыка, жёлтая пресса. В России миллионы людей живут в полном отсутствии

прекрасного. Искусству пора выйти за пределы музеев и галерей. Человек должен просыпаться и видеть красоту из собственного окна. Современному миру она необходима.

– Искусствоведы отмечают в ваших работах влияние Энди Уорхола. Кого можете назвать своим творческим наставником?

– У меня никогда не было кумиров. Как ни парадоксально это звучит, но я не люблю ходить на выставки, потому что всё, что вижу, – остаётся во мне навсегда. Я возвращаюсь в свою мастерскую, и тысячи увиденных образов всплывают

«КРАСОТА КРОЕТСЯ В ДЕТАЛЯХ»

у меня в голове. В художественных вузах много времени и сил уделяется копированию, но я убеждена: чтобы корова давала молоко, её надо кормить травой, а не молоком.

– Ваш галерейный проект Love Time представлял собой четырёхметровые «портреты» феноменов микроскопического мира и человеческой физиологии. Что открыли

для себя, исследуя макро- и микромиры?

– Оказалось, что это, по сути, одно и то же. В маленьком, невидимом нашему глазу кроется такой же масштабный мир, как тот, который нас окружает. Бесконечный масштаб в малом меня захватывает. Я написала много работ, посвящённых клеточному строению человеческой кожи, сердца, крови, вирусов, атомным структурам, микросхемам. Меня завораживает перспектива и множественность, ритм жизни в неприметных деталях. Я всегда фотографирую выставленные в один ряд бутылки, обувь, любой множественный ритм или перспективу. Любовь – это и есть бесконечная перспектива, отменяющая время.

– Потом серия работ этого проекта была представлена на Венецианской биеннале современного искусства в 2007 году. Чем запомнилось это событие?

– Венецианская биеннале – грандиозный международный смотр современного искусства. Некий аналог Каннского фестиваля. Месяц я жила в красивом палаццо в сердце Венеции, готовилась к выставке. Русский павильон имел большой успех: все мои работы были проданы. Вообще, первое десятилетие XXI века можно назвать периодом больших продаж:

Проект Love Time

Репродукции: из личного архива Вероники Пономарёвой

современное искусство активно раскупалось. Сейчас всё по-другому. Российское искусство, увы, не является участником глобального мирового арт-процесса. Печально, но это – факт. Наши галереи не принимают активного участия в международном арт-рынке. Да и внутреннего рынка у нас, по сути, нет. Сегодня самым значимым российским художником является советский мастер Илья Кабаков, который в конце 80-х уехал сначала в Германию, а позже эмигрировал в США. Молодых на этой сцене нет.

– В чём причина?

– Думаю, причин много. Одна из них – экономическая. Ещё 20 лет назад никто не знал ничего о китайском искусстве. Сейчас китайские художники в топе. В Китае государство активно занимается системой продвижения искусства: оно построило мощную образовательную систему, арт-кластеры, мастерские и вырастило целое поколение художников. Китайцы гордятся тем, что являются представителями великой цивилизации. Наше государство не рассматривает искусство как стратегическую составляющую, поэтому инвестиции в культуру и креативную индустрию невелики. Кроме того, современный художник в России не имеет должной правовой

От лица к лицу

– Интерес к иконописи возник случайно?

– Я уверена, что ничего случайного в нашей жизни не происходит. После Венеции у меня была большая выставка в Музее современного искусства. Были пресс-показ, материалы в СМИ, интерес публики. А потом наступило опустошение. Я не понимала: ради чего я работаю? Чтобы украсить чью-то стену? Я хотела найти смысл своей жизни. Я увлекалась буддизмом, эзотерическими знаниями, ведами, ездила несколько раз в Индию, Тибет, жила в ашрамах. Путешествуя по Эстонии, попала в Пюхтицкий женский монастырь, и игуменья Варвара подарила мне старинную икону «Спас Нерукотворный». Поставив икону дома на шкаф, я не знала, что с ней делать. А спустя некоторое время заметила, что, когда нахожусь одна, постоянно ощущаю чьё-то присутствие, чей-то взгляд на себе. Я начала читать жития святых и поняла: истина, которую я пыталась найти далеко от своей земли, всё время была рядом. Христианская мифология «личина-лицо-лик» говорит о том, что мы можем идти по пути самосовершенствования, а можем

«ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО – ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО ПОКА НЕПОДВЛАСТНО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ РАЗУМУ»

защиты. Если у нас в области музыки и кино система защиты прав авторов и исполнителей работает, то права художников пока слабо защищены. Ситуацию надо менять. С этого года меня избрали вице-президентом Ассоциации правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере изобразительного искусства УПРАВИС. В настоящее время мы готовим новый проект, который позволит сделать арт-рынок в России более прозрачным. Детали пока не могу раскрыть, но работа в этом направлении идёт.

– Может быть, у нас перевелись таланты?

– С талантами в России всегда хорошо, надо научиться грамотно возвращать их. Мы пытаемся копировать международные тренды в мире моды, кино, дизайна, вместо того чтобы предложить миру свою уникальную культурную ценность.

Из серии «Лики Марии», 2020

Репродукции: из личного архива Вероники Пономарёвой

Фото: Валерий Латыпов

предпочсть обратный маршрут. Преобразиться из лица в лик – великая задача жизни каждого человека. Я ушла на несколько лет учиться иконописи.

– Теперь вы иконописец?

– Я могу написать практически любую икону, но назвать себя в полной мере иконописцем не имею права. Для этого надо вести определенный образ жизни. К иконописцу предъявляются такие же требования, как к священнослужителю. В начале пути я пережила неопитский период с обязательными постами и чётким соблюдением всех канонических правил. Сейчас отношусь к этому разумнее: у нас, женщин, есть и мирские задачи.

– В работе над иконой следуете определённым канонам?

– Есть специальные молитвы, которые необходимо читать, соблюдать посты и придерживаться календаря церковной жизни. Когда я рисую картину, то точно знаю, что и как хочу сделать. Ты должен отказаться от себя, быть только проводником: не ты пишешь икону, а она создаётся с помощью тебя. У меня практически никогда не получается написать так, как я задумала. Икона пишется натуральными пигментами, которые могут кардинально изменить цвет в процессе работы. Если ты приступил с плохими мыслями или возгордился, как сделал – может закипеть левкас (грунт, на который кладут краску), и тебе приходится начинать работу сначала. Икона – это молитва, запечатлённая в красках, она не терпит нестабильного эмоционального состояния. Ты не можешь работать, когда обижен, злишься, думаешь о другом.

Жить без предубеждений

– Работа в кино началась с проекта Фёдора Бондарчука?

– В 2016 году я работала художником по костюмам на съёмках его фильма «Притяжение». Это был мой первый опыт работы в полнометражной картине. Мне повезло увидеть одно из лучших российских кинопроизводств. Фёдор буквально живёт своим делом, обладает феноменальной памятью и хорошим вкусом. Но после окончания съёмки я поняла, что художник по костюмам – не моё дело жизни. Мне нужно больше художественного влияния на результат и я готова к этой ответственности:

я на пути к созданию своей полнометражной игровой картины.

– Вы учились на Высших режиссёрских курсах у Владимира Хотиненко. Что советовал мэтр?

– Однажды он мне сказал: «Вероника, если хочешь стать режиссёром, тебе придётся отрастить “большие зубы и большие рога” и стать бойцом». Владимир Иванович высоко оценил мой дебютный документальный фильм «Путь»: совместно с соавтором Олесей Шигиной мы проехали по Транссибу в плацкартном вагоне от Москвы до Владивостока и сняли кино о русской душе, её людях, русском бескрайнем пространстве. Мы хотели пройти Россию от края до края, но на острове Русском открывается перспектива на многочисленные острова, и оказалось, что нет у России видимого края. Фильм удостоен призов многих российских и международных фестивалей.

– Фундаментальный подход к образованию вызывает уважение. Что дальше?

– Была бы помоложе – пошла бы в медицинский. Даже добившись успеха, мы не должны останавливаться. Образовательный процесс в различных областях расширяет горизонты, тренирует вдохновение, заставляет работать по-новому.

– «Спасибо всем тем, кто не принял мою сторону, за помощь в принятии правильной стороны...» – ваши строки. Как относитесь к критике?

– Пришлось научиться правильно воспринимать критику. Впервые столкнулась с ней на Высших литературных курсах Литературного института имени Горького. Мой мастер Арутюнов Сергей Сергеевич не оставил от моих стихов камня на камне. Я принимаю конструктивную часть критики с пользой для себя: учусь держать удар, видеть свои ошибки, а иногда отстаивать свою идею. Хотя, признаюсь, творческому человеку критика подрезает крылья.

– Как относитесь к успеху?

– Успех – это своего рода аванс. Когда к тебе приходит успех, ты не можешь остановиться, нужно каждый день начинать всё сначала. Конечно, приятно, когда тобой интересуются СМИ и твоя работа востребована. Хорошая репутация – это возможность делать серьёзные проекты. Современный мир живёт по закону: если тебя нет в медийной повестке, значит, тебя просто нет.

– Известно, что «хороший художник – бедный художник». Как найти баланс между творчеством и коммерческим успехом?

– История знает огромное количество примеров, когда слава настигала великих художников после смерти, но хочется верить, что это осталось в прошлом. Сейчас пришло время, когда одно не должно противоречить другому. Творчество должно приносить художнику финансовую стабильность. У нас осталось много предубеждений относительно денег: «тяжело богатому попасть в царство небесное, как верблюда в игольное ушко», «большие деньги заработаны бесчестным путём». Современный мир доказал, что большие деньги заработаны, прежде всего, большими идеями, а Бог на самом деле хочет большой реализации творца, умножения его талантов.

– Чем занимаетесь в свободное время?

– Свободное время у меня бывает редко и рождает сомнения в своей востребованности: появляется ощущение, что я делаю что-то не так. Мой лучший отдых – смена деятельности, когда после длительной работы в мастерской я ухожу в кинопроекты. ■

ЧЕТЫРЕ КОМНАТЫ ОЛЕГА ШЕЙНЦИСА

В Еврейском музее и центре толерантности театральные художники посвятили известному режиссёру-сценографу выставку-инсталляцию

Текст: Виталий ЛЕСНИЧИЙ

В её пространстве ощущаешь себя как в квартире из четырёх смежных комнат, сменяющих одна другую. В каждой свой неповторимый мир, где мимо пронесется жизнь его обитателей в соответствующей обстановке – детской, гостиной, спальне, рабочем кабинете. Ассоциации включаются по ходу движения.

Создатели инсталляции – группа театральных художников, ученики и последователи Олега Шейнциса Тимофей Рябушинский, Анна Фёдорова, Дмитрий Соболев, Артемий Харлашко... Они мыслят нестандартно и говорят на сценическом языке, насыщенном метафорами и идиомами, аллегориями и инверсиями. Своей работой авторы стремятся передать ощущения и воспоминания, которые оставил после себя учитель, мастер – человек, впервые использовавший на отечественной сцене лазер, великий сценограф, создатель памятного знака премии «Золотая маска» и макетов декораций к десяткам спектаклей ведущих театров.

– Выставка выполнена и оформлена на основе воспоминаний, мифов, баек, рассказов о человеке, которого мы знали, – поясняет куратор проекта, художник Тимофей Рябушинский. – Так как мы не привязаны ни к какой дате, у нас отсутствует хронологический порядок. Вместе с Анной Фёдоровой мы продумывали драматургию, путь, по которому будем идти. И на предоставленной музеем площадке адаптировали эти четыре комнаты. Это наши эмоциональные переживания.

Свою работу авторы назвали «Шейнцис. Эссе в четырёх картинах». Эссе и есть та малая форма, которая быстро и ясно обрисовывает суть житейских вещей. В предлагаемом пространстве если и есть место, то важным бытовым деталям, но никак не мелочам.

– Те бытовые вещи, которые присутствуют, – отображение сути Олега Ароновича, – поясняет Тимофей.

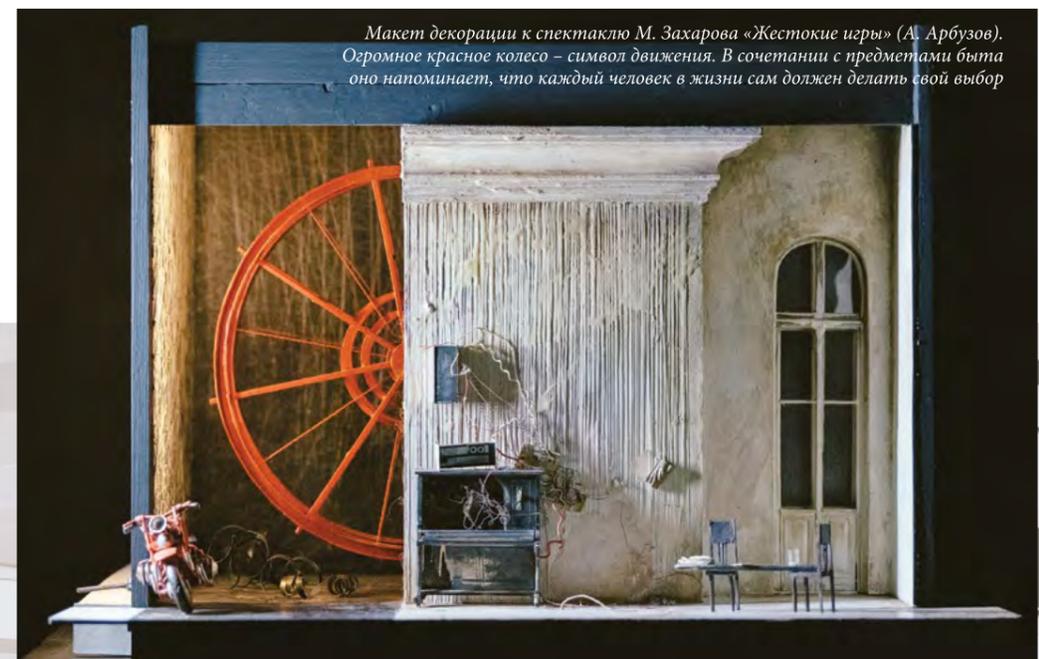
Инсталляция воспроизводит путь художника от рождения идеи до её воплощения на сцене. Ступил на

Спектакль «Ва-банк» М. Захарова по пьесе А. Островского «Последняя жертва». Огромные колёса, богатые кареты, настоящая кожа напоминают современные московские пробки. Роскошный будуар Тугиной передаёт ощущение острого сочетания внутренних желаний героини и внешних обстоятельств жизни

него – обратной дороги уже нет. За первым шагом делай второй. Только так. «Когда ты отвечаешь за то, что делаешь, – всё: всякий прозвол прекращается» – повторял сценограф своим ученикам. У него искусство вялости не терпит. Импульсивный, взрывной, динамичный. Прежде чем поймает и удержит верную идею, тысячи выбросит на вылет – в корзину, в окно, в форточку, вон из головы. «Хороший ход, но не годится, замечательная, гениальная идея, но не подходит, задачу не раскрывает» – так говорил он. Только идеальное должно остаться. Первая комната воспроизводит массу идей. Они, как планеры, с шумом несутся над головой, пытаюсь показать, что происходит с автором в момент поиска. Они повсюду – налетают, падают, разлетаются, а то и иссякают. Среди них охватывает то паника, то без-

умие. В какой-то момент накатывает отчаяние, но вот она – главная, неповторимая, подходящая. Её ловишь, хватаешь, потому что именно она отражает и передаёт суть. Счастливый, прочно удерживая её в голове или, как синицу, в руках, покидаешь мир хаоса и переходишь в другую комнату анфилады, где встречаются тишина, покой, умиротворение, располагающие к кропотливому созиданию. Здесь место внутренней концентрации. Темно. В дальнем углу пространство рассекает тусклый свет лампы над кульманом. Он обнажает точки и линии чертежа, на котором, потрескивая электрическим разрядом, всё чётче прорисовывается макет ленкомовской «Чайки». Олег Шейнцис участвовал в художественном оформлении 23 спектаклей Марка Захарова. Среди них культовые «Юнона и Авось», «Поминальная

Макет декорации к спектаклю М. Захарова «Жестокие игры» (А. Арбузов). Огромное красное колесо – символ движения. В сочетании с предметами быта оно напоминает, что каждый человек в жизни сам должен делать свой выбор

В одной из комнат экспозиции макеты к спектаклям из фонда Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина

Фото: пресс-служба Еврейского музея и центра толерантности

В спектакле «Юнона и Авось» (слова А. Вознесенского, муз. А. Рыбникова; балетмейстер В. Васильев) впервые использован лазерный луч. Над сценой парит носовая часть фрегата, световым акцентом выделен крестообразный центр. Канаты напоминают оснастку корабля. По ним передвигались артисты в соответствии с развитием сюжета

молитва», «Оптимистическая трагедия», «Три девушки в голубом», «Чайка»... Макеты 11 из них на выставке. Все из фонда Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина. Каждый в пространстве третьей комнаты невероятным образом воспроизводит атмосферу живого спектакля. Складывается впечатление, будто сейчас на сцену выйдут актёры и согласно режиссёрскому замыслу займут свои позиции. Иллюзию рождает необычная подача света и звука. Причём в звуковом оформлении авторы инсталляции используют записи самого спектакля. Мы не видим героев, но очень хорошо их слышим. Они создают поразительный эффект присутствия. Без единого действующего лица макет воспринимается как живая постановка.

– Третья комната – некий результат первого и второго пространства, – продолжает экскурс один из авторов инсталляции Анна Фёдорова. – В ней вы попадаете в гул работ, но, подойдя ближе,

рассмотрев, вы заметите все перемены внутри этого макета, вы услышите спектакль. В этом заключалась наша идея. Мы пытались наполнить макеты жизнью.

Когда покидаете эту часть экспозиции, кажется, остаётесь один на перроне, мимо которого только что пронёсся театральный состав. Но художественная мысль ведёт дальше, в четвёртую комнату – в зал видеоинсталляции. Известные артисты, сценографы, коллеги, критики, режиссёры вспоминают художника. Бегущая зеркальная дорожка между экраном и креслом – тем самым, в котором режиссёр принимает и утверждает макет. Финал? Или начало?..

Инсталляция камерная. Она не рассчитана на большое скопление людей. Толпы здесь быть не может. Как говорят авторы: история – камерная. Но если её захочется повторить – можно вернуться в начало экспозиции и пройти путь заново. Он, как и спектакль, никогда не похож на предыдущий. ■

«Чайка» А. Чехова. Постановка М. Захарова. Озеро выполнено из оригинально скрученного каната и под умело поставленным театральным светом блестит, как настоящая водная гладь

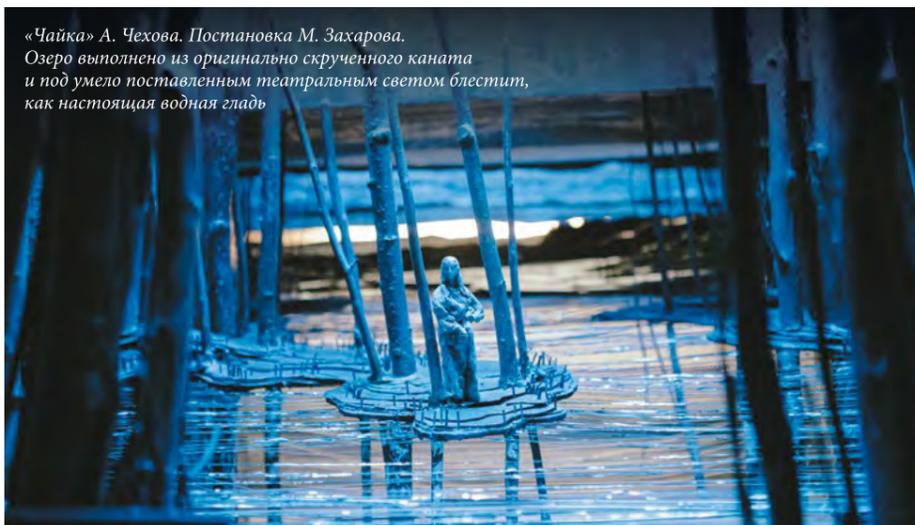

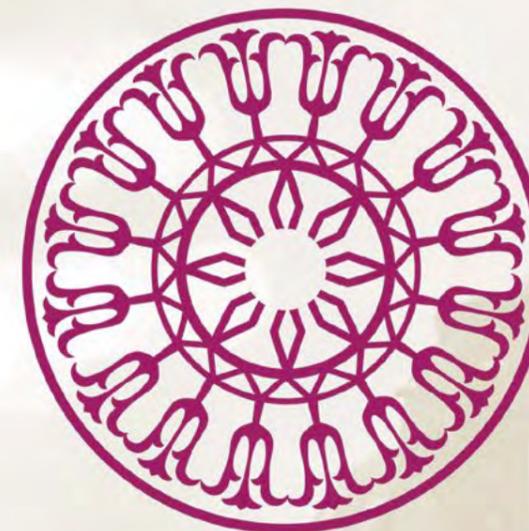
Фото: пресс-служба Еврейского музея и центра толерантности

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ПОДДЕРЖКИ
ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ

ЦАРИЦЫНО
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ПОСОЛЬСКИЕ ВЕЧЕРА В ЦАРИЦЫНЕ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЕ
КОНЦЕРТЫ
В ОНЛАЙН-ТРАНСЛЯЦИИ

КУЛЬТУРА.РФ

Одноклассники

www.ambassadore.ru

РЕКЛАМА

АНДРЕЙ НОРКИН: ПРИДУМЫВАТЬ Я НЕ УМЕЮ

После будничных эфиров в топовом ток-шоу популярный теле-и радиоведущий отправляется на гастроли выходного дня

Текст: Виталий ЛЕСНИЧИЙ

Пять лет назад он стал ведущим ныне популярного ток-шоу на НТВ «Место встречи», а в 1991 году вышел в эфир Радио MAXIMUM с первым выпуском новостей. За 30 лет профессиональной деятельности получил две высшие награды в области телевидения и радио – «ТЭФИ-2006» и «Радиомания-2014». Казалось бы, чего ещё желать? Однако в рамках эфира и шоу нашему герою тесно. Три года назад Андрей Норкин вышел на новую стезю творчества. В пятницу вечером он пакует чемоданы и отправляется с концертами в мини-турне. В своей программе «Другой формат» читает рассказы, травит анекдоты, рассказывает театральные байки, читает стихи и даже поёт. Санкт-Петербург, Кострома, Владикавказ, Химки, Балашиха, Череповец, Астрахань, Махачкала... Сам профи такую кардинальную смену амплуа в выходные дни называет «перезагрузкой». Для него встреча со зрителем, как говорится, в кайф. «Прямая речь» узнала, как сцена одновременно телезвезду и манит, и пугает...

Фото: Михаил Зильбер, НТВ

Мы встречаемся дважды. В первый раз на концерте. Чёрный костюм, белоснежная рубашка, бабочка. На сцене артист. Элегантен, подтянут, раскован, ироничен, владеет аудиторией. Эрудиция, врождённая интеллигентность, юмор, артистизм те же, что и в кадре. Работает в тесной связке с залом. Вопросов не боится, на неудобные импровизирует тактично и изящно. Рядом ведёрко, переполненное записками, в которых анекдоты. Разнообразия ради зрители их присылают по смс на телефон или же просто выкрикивают из зала. Под занавес складывается впечатление дружеских посиделок, которые совсем не хочется покидать. Во второй раз мы встречаемся после программы «Место встречи» в гримёрной «Останкино». После напряжённого прямого эфира ведущий не выказывает раздражения, пренебрежения или усталости. Как только студию покинули последние участники шоу, мастер готов к интервью.

Забывтое молоко

– Андрей Владимирович, раскрасневшихся от споров лиц вроде не заметил... Сегодняшний эфир был не таким напряжённым, как обычно?

– Ну, не сказал бы... Возможно, одна из тем на первый взгляд покажется несерьёзной, но она очень эмоциональная, потому что в ней присутствуют категорически разные точки зрения. Мы говорили о нашем интернете. Вместе с ним пришли новые молодые люди – лидеры общественного мнения, как иронично их сейчас называют. Возникает много вопросов: что и как они делают, как и в каком направлении дальше двигаться? Ограничивать или не ограничивать? Если ограничивать, то до какой степени... Поэтому в студии присутствовали эмоции.

«ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ СТАРАЮСЬ ГАСИТЬ ШУТКОЙ»

– Вы сами пользуетесь дзенем?

– Дзенем нет. Для меня вообще это странная история. Не понимаю, зачем он нужен. Мне достаточно посмотреть на заголовки и темы, как волосы встают дыбом. Иногда думаю, что это пишут не люди, а роботы. Человек по-русски так не говорит. Для меня социальные сети – информационная площадка, на которой продвигаю концертную программу «Другой формат», делюсь впечатлениями, размещаю фотографии из поездок. Но не могу сказать, что интернетом живу... В работе соцсети мне практически ничего не дают. Такой проблемы, как часами не вылезать из фейсбука, у меня нет.

– В этом году телевизионной программе «Место встречи» 5 лет. Помните первый эфир?

– Да, 29 февраля мы первый раз вышли в эфир. Но о чём он был, не помню. Я даже у коллег поинтересовался: никто толком не вспомнил. Что-то говорили о молоке. Думаю, о его качестве, потому что 5 лет назад были популярны разговоры о пальмовом масле. Сейчас если молоко в программе и всплывёт, то скорее в связи с ценообразованием. Мы бы говорили об экономике. То есть мы стали более серьёзными. С другой стороны, за это время мы нащупали отличительную черту от коллег с других телеканалов – у нас в программе больше юмо-

ра. Мы стараемся даже самый сложный дискуссионный вопрос представить таким образом, чтобы не впадать в депрессию: очень легко свалиться в ужас, хотя на самом деле жизнь прекрасна и удивительна.

Не по сценарию

– Иногда «Место встречи» напоминает спектакль с непредсказуемым финалом. Трудно гасить конфликтные ситуации?

– Раньше было трудно, сейчас немного легче. Но я не назвал бы это спектаклем. Спектакль – всё же что-то придуманное. А здесь ничего придуманного нет – и темы, и эмоции настоящие. Мы уже давно подбираем в программу людей, которые искренне говорят то, что думают. Если возникает конфликт, эмоциональный взрыв, стараюсь его гасить шуткой.

– Какие изменения за это время произошли с вами и с программой?

– Конечно, я стал более уверенным. Мне не страшно, если дискуссия выходит из-под контроля. Несколько раз уже случалось такое, что разговор вдруг начинал идти в совершенно в другом направлении – не так, как мы планировали. Например, сегодня он был настолько интересен, что мы дали возможность гостям выговориться. Правда, нам пришлось отказаться от заранее подготовленных сюжетов. Но ни одна программа не соответствует на 100% сценарию, который готовим заранее. Сценарий – это перечень видеоматериалов и основных вопросов, не более. В нём не прописаны реплики гостей. Мы реагируем на то, что они говорят. Так что появилась свобода. Уйти от заранее задуманного уже совершенно не страшно. Наверное, это главное изменение, которое

произошло за 5 лет: мы стали и более серьёзными, и более раскованными.

– А с чего для вас началось «Место встречи»?

– Меня пригласили. В 2014–2015-м я вёл на НТВ «Список

Норкина». После него мне предложили «Место встречи». Ольга Белова стала соведущей. И как-то пошло... Мы закрепились, выросли. Здорово увеличилась аудитория. Значит, правильно движемся.

Андрей Норкин с коллегами (слева направо): Татьяной Митковой, Тимуром Вайнштейном, Тиграном Кеосаяном перед встречей с президентом России Владимиром Путиным в Кремле

– С соведущим Иваном Трушкиным не возникает конфликта поколений?

– Конечно, возникает. Иван моложе моего старшего сына. Мы эту разницу в возрасте как раз используем: выяснение в эфире каких-то отношений передается идёт на пользу. У Ивана огромный, как принято сейчас говорить, бэкграунд. Он окончил журфак МГУ, владеет иностранными языками, сразу пришёл на НТВ, где работал и репортёром, и ведущим новостей. Его вклад в программу как профессионала невозможно недооценить. При этом его интересы, увлечения, точка зрения мне в силу возраста иногда не совсем понятны. Всегда интересно обыграть эту разницу – его знания и мой опыт. Случись нам вдруг сцепиться языками, получается здорово. Но специально «поколенческую» историю не провозируем. Этого в сценарии нет.

100 пишем – 90 в уме

– Как в программе появился анекдот?

– Последнее слово в программе принято оставлять за ведущим. Первые недели, возможно, месяцы мы закрывали дискуссию мудрой мыслью. В какой-то момент вместо этого я вспомнил анекдот. Потом второй, третий... И однажды мне сказали: «Хорошая история. Давай пробовать постоянно». Традиция закрепилась. Не то чтобы я анекдот вытягивал из себя. Просто на определённом этапе пришло раскрепощение, и я стал шутить по ходу самой дискуссии. Постепенно такой подход превратился в торговую марку программы. По моему убеждению, анекдот может быть совершенно любой. Лишь бы он был в тему. Конечно, бывают программы, когда анекдот совершенно

неуместен. Так было при пожаре в «Зимней вишне», трагедии в петербургском метро.

– Хорошие анекдоты стали редким явлением. Вы их коллекционируете?

– Собирать анекдоты стал исключительно в передаче «Место встречи». А три года назад запустил программу «Другой формат» и понял – да, это нужно делать. Теперь у меня в компьютере составлены таблицы, куда складываю по темам анекдоты. Что-то знал, что-то услышал, вспомнил, обнаружил в тех же социальных сетях. Постепенно зрители распробовали эту тему. Мне стали присылать анекдоты на электронную почту, на телефон. Согласен, что хороших анекдотов становится меньше. Я их стараюсь запоминать.

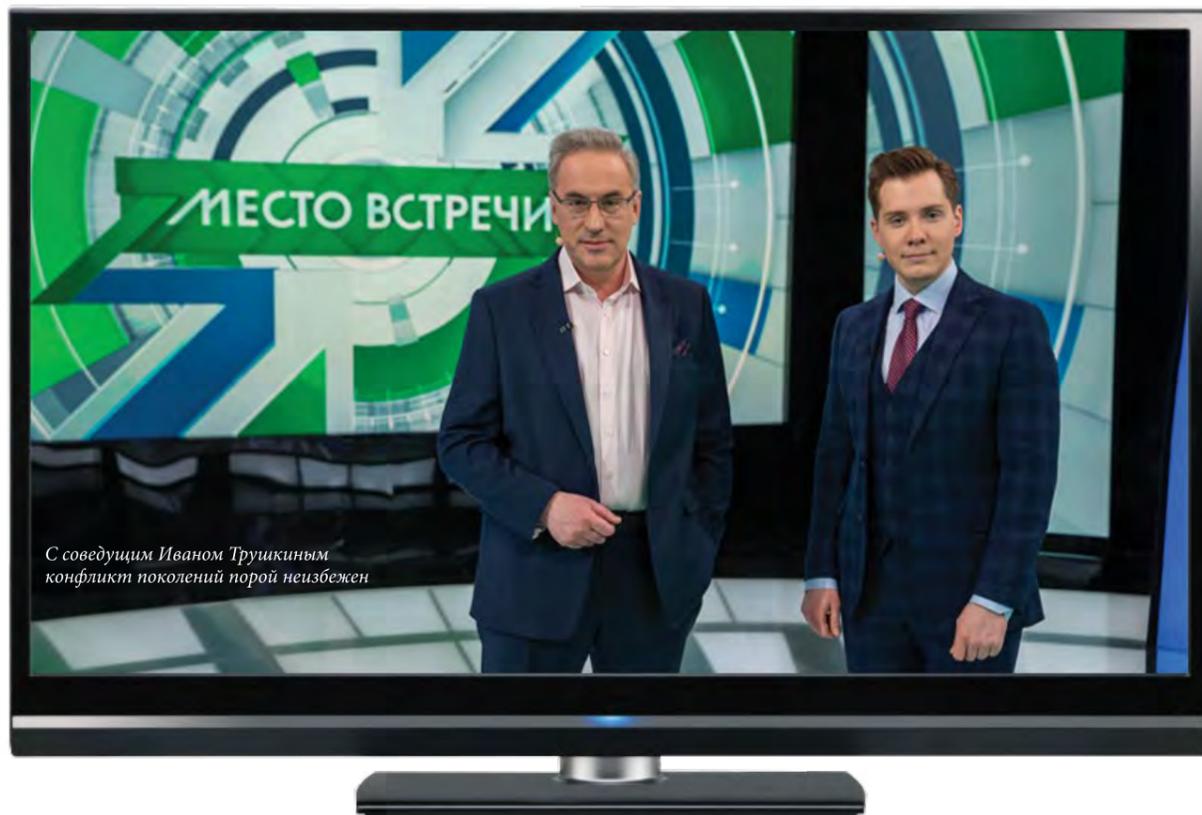
– На концерте записочки с анекдотами извлекали из специального ведёрка. Сколько их там? Все помните?

– Думаю, две сотни. То, что в ведре, помню. Если взгляну в таблицу, по ключевой фразе расскажу. Целиком я их не записываю. 90% точно расскажу.

– С детства хорошая память или работа над ней?

– Специально ничего не запоминал, никаких упражнений не делал. Наверное, это связано с профессиональной нагрузкой. Я много лет работал в новостях, в голове накапливается огромное количество информации. Запоминается то, что нужно – имена и фамилии политических деятелей, даты, географические точки на карте... Конечно, случаются казусы, когда что-то вылетит из го-

«МЫ СТАЛИ И БОЛЕЕ СЕРЬЁЗНЫМИ, И БОЛЕЕ РАСКОВАННЫМИ»

С соведущим Иваном Трушкиным конфликт поколений порой неизбежен

Фото: Михаил Зильбер, НТВ

Дует коверных – юный Андрей с младшим братом Ильёй

В студии Андрей Норкин в годы работы ведущим на радио «Ностальжи»

«У МЕНЯ НИКАКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ С САМИМ СОБОЮ НЕТ»

ловы, но это неплохо. Зрители видят живого человека. Им это нравится. Ничего страшного. Можно вместе посмеяться.

Фактор случайности

– Вы стояли у основания Радио Maximum?

– Я не по своей инициативе туда пришёл. Это был 1991 год, недели две после путча. Конец августа – начало сентября. Меня пригласил покойный Владимир Борисович Сапунов, в своё время директор группы «Машина времени». Мы вместе работали в «Лужниках», где Сапунов возглавлял профсоюз. В 1991 году он из «Лужников» уволился. Через некоторое время мне позвонил и предложил попробовать ведущим информационного блока на новой радиостанции. Первый эфир вышел в декабре. Три месяца мы готовились, а после запуска практически сразу перешли на другую радиостанцию. В моей жизни вообще много факторов случайности. С 1996-го на телевидении.

– К камере приходилось привыкать?

– Сейчас, если посмотреть на первые кадры со мной на телеэкране, становится смешно. Но я не боялся ни микрофона, ни камеры, потому что с пятого класса участвовал в художественной самодеятельности. Я занимался с братом в эстрадно-цирковом коллективе Дома куль-

туры «Чайка». Это при заводе «Салют» на проспекте Будённого. Студией руководил цирковой артист на пенсии Леонид Борисович Мельников. По эстраднему я был конферансье, по цирковому – шпехштаймейстер. И как в любом цирке, шпехштаймейстер участвует в репризах – вместе с младшим братом был клоуном на ковре. Он – рыжий, я – белый. Стал пятикратным лауреатом городских конкурсов эстрадно-циркового искусства. Мы выступали в том числе и на больших площадках типа ДК «ЗИЛ», который собирал до 2000 зрителей. Потом я ушёл в армию. Вернувшись, работал в «Лужниках», которые на своей арене собирали до 100 тысяч человек. Так что на меня быстро перестало давить число слушателей или зрителей. Микрофона я не боялся.

– А в каком районе Москвы вы выросли?

– Я родился на 3-й Парковой в Измайлово. Дом этот сохранился до сих пор. Двухэтажный барак, в котором сейчас вроде бы станция «Скорой помощи». Наискосок Измайловский рынок, справа Первомайская улица. Жил там с 1968-го, а в 1976-м родители получили квартиру в районе метро «Щёлковская», куда и переехали. Сейчас это Новосибирская улица, Гольяново. Наш ДК находился на Семёновской. В старших классах родители разрешали поздно возвращаться. Помню, как с ребятами

после занятий девочек провожали пешком до «Преображенской», а дальше я уже садился на троллейбус и доезжал по Щёлковскому шоссе домой. Сейчас дома стоят, всё застроено. То, что казалось большим, стало маленьким, немножко игрушечным.

Из ерунды...

– Почему после художественной самодеятельности не пошли в театральное или цирковое?

– После школы я поступал в театральный институт, на актёрский. Но мне сказали: «Вы сначала сходите в армию». Видимо, я явно не тянул. Я полгода служил под Горьким, потом в Грузии, в Кутаиси. В 1988-м вернулся. Осталось три года до распада Союза. Устроился в отдел информации в «Лужники» и стал работать на профессиональном стыке. Хотя актёром себя не считаю, нереализованная мечта молодости осуществилась. Хорошо, что всё так сложилось.

– В концертной программе вы выглядите убедительно. Как родилась программа «Другой формат»?

– Первый раз мы её обкатали в Крыму в 2018-м. Мне помог Сергей Александрович Миронов – житель Коктебеля, руководитель местных ДК, режиссёр, ученик Андрея Гончарова. Он, кстати, и название программе придумал. Но то, что обкатали тогда, на 90% обновили. Я прощупывал эту историю – что

получается, а что нет, что принимается, а что не очень. Например, я очень люблю абсурдистский юмор, и поначалу его было много – и Хармс, и Мелихан... Потом понял, что его не все воспринимают. Заменял на Горина, Аверченко, Зоценко... Точно

от творчества были далеки. Более того, отец вообще даже не принимал песни за столом, хотя, как известно, при любом застолье начинают песни петь. Не могу вам объяснить, почему мы с братом в нашей семье оказались самыми творчески продви-

НТВ до НТВ». Переиздание или продолжение не планируете?

– Ничего не могу сказать по поводу распространения. Это политика издателя. Попробуйте поискать в интернете. К продолжению я не готов. Дело в том, что обе книги изда-

В концертном зале ведущего и зрителей экран не разделяет

так же с песнями, анекдотами. Потом появилась история с театральными байками, ведро с анекдотами. Постепенно концерт превратился в живой диалог со зрителем. Когда нет рамок, ограничивающих общение с публикой, люди начинают друг друга заводить.

– То, что вы поёте, для меня стало открытием. Вы в детстве музыкой занимались?

– Нет. И на музыкальных инструментах не играю, и вокалом не занимался, хотя склоняюсь к мысли, что не мешало бы научиться. Но я для своей программы отбираю песни, которые я могу исполнить не испортив. Профессионально этим никогда не занимался. Я и на журфак поступил по настоятельной просьбе Александра Анатольевича Герасимова, уже работая на НТВ. Мне было 32 года. Пошёл на заочное. Но выдержал только полгода – после первой сессии ушёл. Я подумал, что впустую трачу время.

– Есть объяснение артистическому началу?

– Нет. Не помню, чтобы бабушки и дедушки играли в самодеятельности. Родители профессионально

нутыми. Конечно, в детстве я очень много читал. Спасибо родителям, дома была большая библиотека, хотя в те годы она была у многих. Я прочитал не только всё, что нужно было мальчику, но и достаточно взрослые книжки – Генриха Манна, Томаса Манна... Про собрание Жюль Верна не говорю – это само собой. Вместе с книгами всегда интересовался тем, что тогда называлось политикой. Политинформации в школе готовил не потому, что надо, а потому, что мне это было безумно интересно. С друзьями постоянно создавали

«ЖУРНАЛИСТ В ОПРЕДЕЛЁННОМ СМЫСЛЕ – ЭТО ВРАЧ, И ОН ТОЧНО ТАК ЖЕ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НАВРЕДИТЬ»

какие-то газеты. Не стенгазеты, а сами для себя придумывали что-то типа игры – делали газету. Как сказали бы сейчас, занимался ерундой. Потом пришла сцена... Всё как-то само собой сошлось.

– Зрители после концерта ваши книги разобрали за считанные минуты. В книжных гипермаркетах нет ни «Армейских баек», ни «От

ны в 2016 году. Мне предложили написать о телевидении. В разговоре я замолвил словечко о том, что у меня есть ещё материал – «Армейские байки», которые собрал воедино после службы в армии, когда работал в «Коммерсанте». Дал посмотреть. Через некоторое время мне позвонили: мол, пока пишешь про телевидение, мы опубликуем байки. В результате у меня в один год вышли две книги, хотя написаны они в разное время. «От НТВ до НТВ» я писал девять месяцев. Горд, что в книге нет ни одного придуманного факта:

всё подкреплено информационными источниками, хотя было очень трудно вновь пропускать через себя пережитое. Там были и тяжёлые моменты. Поэтому я не готов затевать что-то новое, а придумывать я не умею. Вообще, не понимаю, как люди пишут детективы. Пошутить, обыграть, отредактировать я могу, а придумывать – нет.

Фото: из личного архива Андрея Норкина

Не одной «Санта-Барбарой»

– Вы чувствуете внутреннюю ответственность перед аудиторией? Не давит ощущение груза или камня?

– Если вы в гармонии с самим собой, никакого камня не будет. Я изначально считал, что журналист в определённом смысле – это врач, и он точно так же не имеет права навредить. Поэтому у меня никакого противоречия с самим собой нет, хотя

– Порой не без потасовок...

– Было дело... Поэтому в программе формируется некий круг постоянных экспертов. Кто-то уходит, кто-то, наоборот, его пополняет, но сохраняется костяк, к которому зрители уже привыкают. В общем-то, за это время мы стали какой-то семьёй. Знаю, что между собой многие эксперты за пределами студии общаются. Создают клубы по интересам.

– Самые сложные эфиры можете привести?

– 11 сентября 2001 года. Мы вышли в обычное время, и пришло сообщение о том, что самолёт влетел в небоскрёб. И всё... Семь часов я сидел с небольшими перерывами. Но в таких случаях происходит такой выброс адреналина, что времени вообще не замечаешь.

– Как перезагружаетесь после подобной встряски? Театр? Музыка? Кино?

– Я боюсь сейчас ходить в театр. Последний раз безбоязненно смотрел «Пигмалиона» с Маковецким и Бабенко. Знал, на что иду, и всё было хорошо. Остальное меня немного пугает. Многие спектакли не готов смотреть. В кино тоже давно не ходил. Пока не могу найти героя, которому должен сопереживать. А если некому сопереживать, смотреть фильм неинтересно. Музыку слушаю, когда в машине. «Радио 101», «Ностальжи», «Орфей», «Радио Джаз», «Ретро FM»... Раньше сам вёл музыкальные эфиры.

Знаете, я со своей концертной программой езжу по городам, где раньше и не планировал бывать. В прошлом году меня пригласили провести бизнес-форум в Костроме, где для меня совершенным открытием стал ресторан «Гроза». Я познакомился с шеф-поваром, который взял очень престижную международную премию в своей сфере. Антон, 34 года. Он всё готовит из местных продуктов. Русская кухня в его исполнении – это феерия вкуса. С вами разговариваю, а на следующей неделе, в выходные, вновь еду в Кострому. Теперь с концертом. Вот вам и перезагрузка.

– С детьми и внуками успеваете встречаться?

– Я сейчас отправил детей в свободное плавание и живу отдельно. Я им помогаю, но не руковожу. Пусть разбираются сами. Внуки смешные. Летом всегда приезжают купаться. У меня рядом Клязьма. Дома хранятся надувные круги, ласты, маски. Встречаемся не очень часто. По времени никак не управляюсь, потому что график напряжённый. Вообще тему личной жизни давно закрыл. Мне всё равно, а родным неприятно. ■

«КОГДА НЕТ ОГРАНИЧИВАЮЩИХ РАМОК, ЛЮДИ НАЧИНАЮТ ДРУГ ДРУГА ЗАВОДИТЬ»

многих это удивляет. Мол, как же? Вы говорите, что думаете? Да, я говорю то, что думаю.

Открою один секрет. Далеко не всегда на современном телевидении ведущий на съёмочной площадке именно такой, каким его воспринимают зрители. Многие мои коллеги, за исключением ведущих новостей, повторяют то, что им говорит в ухо руководитель программы. К сожалению, сейчас многие даже не пишут тексты. Это очень печально. Я просто счастлив, что в нашей программе такого нет. Никому в голову не придёт мне или Ивану что-то диктовать. Продюсер может рекомендовать, дать совет, но никогда не будет давать реплики, которые мы должны будем повторить.

– Иногда шоу напоминает конвейер. Вы вызываете к вашим гостям – участникам программы?

– Совершенно верно. Мы выходим в дневном эфире, когда, условно говоря, у экрана аудитория «Санта-Барбары». В какой-то момент мы решили: нам не стоит бояться того, что будем напоминать дневной сериал. Нет ничего страшного в том, что в студии определённое количество людей находится постоянно. Мы отобрали тех, кто может не просто что-то сказать, но и понятно выразить свою точку зрения на хорошем русском языке. Позиция участников в этом смысле нас не очень интересовала за редким исключением – фашиствующих субъектов, которых приходилось удалять.

Анекдот от Андрея Норкина

– Зал консерватории. Симфонический оркестр. Выходит ведущий и объявляет: «Пётр Ильич Чайковский, Первый концерт для фортепиано с оркестром». Выступление заканчивается, с первого ряда поднимается на сцену огромный мужик в кожаной куртке, с бритой головой, золотой цепью на шее и охапкой цветов в руках. Подходит к дирижёру и говорит: «Пётр Ильич, для первого раза охренительно!»

ИРИНА СЛУЦКАЯ:

«Я ВСЕГДА
ХОТЕЛА БЫТЬ
НА ЛЬДУ ОДНА»

Текст:
Татьяна БУТУРЛИНА

Со знаменитой фигуристкой мы встречаемся на фестивале спорта на ВДНХ. Двукратный призёр Олимпийских игр, семикратная чемпионка Европы, двукратная чемпионка мира, а теперь ещё и мама троих детей, основательница собственной школы фигурного катания, Ирина не только вспомнила свою проторённую звёздную дорожку, но и рассказала о роли музыки на льду.

Фото: из личного архива Ирины Слуцкой

Ирина Слуцкая стала первой россиянкой, завоевавшей титул чемпионки Европы

«С 15 ЛЕТ
Я НАЧАЛА
ЗАЩИЩАТЬ
НАШУ СТРАНУ
НА ЧЕМПИОНАТАХ
ЕВРОПЫ И МИРА»

Наперегонки с Катариной Витт

В спорт я пришла банально: по совету врачей. Ребёнком была болезненным, поэтому врачи рекомендовали моим родителям отдать меня в спорт и желательно, чтобы тренировки проходили на улице. Для закалки. Выбор в моё время был небольшой: лыжи или фигурное катание. Родители выбрали второе. Мне, человеку 4 лет, было, в общем-то, всё равно. Первые тренировки проходили, как «по рецепту», на улице. Лёд растаял, мы встали на ролики. Нельзя сказать, что я сразу произвела на тренеров впечатление. Даже наоборот. Моей маме надо сказать большое спасибо. Выслушав «Девочка так себе, вряд ли из неё что-то получится...», не увела меня сразу домой, а нашла другого тренера, который впоследствии прошёл со мной всю спортивную жизнь и стал моим единственным и бессменным наставником, – Жанну Громову. Именно с Жанной Фёдоровной я стала прогрессировать и делать первые успехи, именно с ней мы дошли до последнего нашего старта на Олимпиаде в Турине... Первый мой серьёзный дебют произошёл в 13 лет, в Сеуле, в декабре 1992 года на юниорском мировом чемпионате. Тогда я финишировала в первой десятке и подтвердила двойную квоту россиян на следующий чемпионат. А с 15 лет я начала защищать нашу страну на чемпионатах

Европы и мира. В этом возрасте я стала первой россиянкой, которая завоевала титул чемпионки Европы. В том же году я стала третьей на чемпионате мира. (Семь побед на чемпионатах Европы – рекорд за всю историю женского одиночного фигурного катания, который не удалось побить даже великой Катарине Витт. За плечами немецкой фигуристки шесть побед. – Прим. ред.)

Вообще, на протяжении всей моей карьеры мне всегда приходилось работать больше других. Кто-то был гибкий, кто-то прыгучий. Единственное, что было во мне от природы, – я была шустрая. Сегодня знаю точно: дарования и таланты – это чудесно и прекрасно. Но на 95% спортивные достижения – это тяжёлый труд спортсменов, их родителей и тренеров.

В неуютном зале

Изначально все фигуристы начинают с одиночного катания, а потом расходятся «по интересам»: кто-то уходит в пару, кто-то в танцы. Меня не раз приглашали заниматься парным катанием. Я была идеальная партнёрша – невысокого роста, худенькая. Но! Мне не нужен был партнёр. Я всегда хотела быть на льду одна. Так что – да: одиночное катание – мой выбор. Много раз возникало желание всё бросить. Говорила: «Всё! Ухожу, достало!» Но, вздохнув, делала паузу, слушала успокаивающую музыку, и приходило понимание: надо двигаться дальше, несмотря ни на что. Этому меня учили родители, этому учил тренер. Я вообще счастливый человек. Рядом со мной

В кругу родных

«НА 95% СПОРТИВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ – ЭТО ТЯЖЁЛЫЙ ТРУД СПОРТСМЕНОВ, ИХ РОДИТЕЛЕЙ И ТРЕНЕРОВ»

всегда есть люди, которым я могу доверять целиком и полностью. Они никогда не жалели меня, знаете, с сюсюканьями, с соплями: мол, потерпи, всё пройдёт. Нет! Мне говорили: «В жизни так бывает. Может быть и ещё хуже, и ещё больше. Но только ты должна найти в себе ту силу, которая с этим всем справится».

Первая моя зарубежная поездка была в Северную Корею. Она оставила неоднозначные впечатления. Но в тот же год я попала в Италию. И именно с этой страны у меня началось познание мира! Это сейчас, наверное, странно слышать молодым людям, но из поездок я привозила свои первые пищевые открытия: йогурты, кокосы, жевачку. Меня как человека любопытного интересовало всё – от заграничного автопрома, иностранных шлягеров до исторических и природных достопримечательностей. До сих пор помню, как открыла рот в Германии, увидев у женщины мобильный телефон. «Не поверите! – потом с энтузиазмом делилась впечатлениями с родственниками. – Она ехала на велосипеде, остановилась и вынула из корзинки телефон, по которому начала разговаривать!!!» Огромное впечатление я получила, впервые увидев горы! Во все города, которые находились в горах, влюблялась навсегда. Но никакие внешние обстоятельства никогда не мешали моим соревнованиям и участию в чемпионатах. Как говорил мой тренер: «Сначала фигурное катание, а горы потом...» Все арены приблизительно одинаковые. Для меня лично чем арена больше, тем лучше. При том что Олимпийские игры в Солт-Лейк-Сити 2002 года оказались немного болезненны и скандальны, на ледовой арене мне там было очень комфортно. А вот, пожалуй, самая неудобная арена, на

Фото: из личного архива Ирины Слуцкой

мой взгляд, была в Братиславе, на чемпионате Европы. Трибуны там были расположены так, что зрители буквально нависали над нами.

В свободное время

У спорта своё звучание! Можно сказать, что именно музыкальное сопровождение даёт цельное представление о выступлении. Важно, чтобы оно чётко подходило под тот образ, который задумал хореограф-постановщик, под стилистику катания. Необходимо, чтобы музыка хорошо «стелилась», если так можно сказать, на ухо. Для меня лично очень важно, чтобы в музыке был перепад настроения: спокойное начало, красивая середина и убойный конец. Бывает музыка – да, хорошая, а ты себя в ней не видишь, не чувствуешь! Музыкальный подбор – очень ответственный и непростой совместный процесс. Мы перебираем, ставим, прослушиваем. Я снова и снова выходила на лёд, и мы с тренером искали максимально точное попадание. Я и в жизни всегда

с музыкой. Без неё, мне кажется, человек жить не может. Сегодня в моём плейлисте огромное количество детских песенок. Ведь рядом маленький ребёнок. Но в зависимости от настроения я могу слушать Третий концерт Рахманинова или «Металлику». Много любимых произведений-воспоминаний, которые я готова слушать раз за разом.

Оставив профессиональный спорт, я начала вести настоящую «звёздную жизнь». В 2006-м стала ведущей проекта «Звёзды на льду», участвовала в различных ледовых шоу, например, в русской версии «Винкс на льду», в «Спящей красавице», в проекте «Короли на льду» и других. Пробовала себя и в кинематографе, в эпизоде фильма «Трое и снежинка», а в сериале «Жаркий лёд» даже исполняла роль тренера. Я активно занималась политической деятельностью, являлась послом Олимпиады в Сочи. Каталась с ледовыми шоу по всему миру, и однажды наступил момент, когда я предложила свой собственный проект – ледовое шоу в Доброграде. Оно проходит на льду настоящего

«Я ВООБЩЕ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Ирина – хозяйка не только на льду, но и на семейной кухне

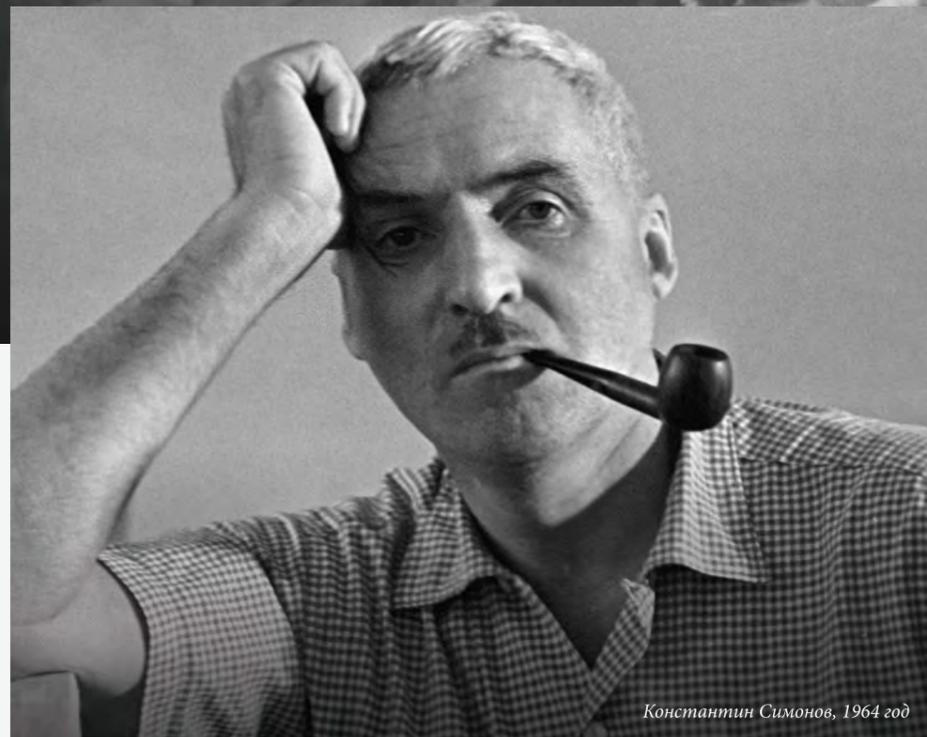
лесного озера. Это безумно красиво, интересно, ярко и неординарно. Также моей большой мечтой оставалось открытие собственной школы фигурного катания. Пять

лет назад я её осуществила – теперь у меня есть школа в посёлке Заречье Одинцовского района.

Если выдаётся свободная минутка, то хочется залезть в кровать или на качели на даче, послушать музыку и почитать. Чтобы никто не отвлекал. Я очень люблю Булгакова, Алексея Толстого, Куприна... Очень любила путешествовать, причём тоже всей семьёй, – к солнцу, морю, тропическим островам. На Занзибар жизнь заносила даже до пандемии. Я до карантина объездила Америку, Австралию, Японию, Европу. У меня впечатление, что меня за границей больше узнают, чем в России. Особенно в Израиле. Там прямо в аэропорту начинают автографы просить. ■

Воспитательный момент от Ирины Слуцкой

Если хотите отдать своих детей в фигурное катание, не давите на них. Дайте им возможность попробовать себя в нескольких видах спорта. Ко мне приходят разные родители. Кто-то катался сам и хочет, чтобы ребёнок продолжил реализовывать их мечты, кто-то сразу хочет от сына или дочери олимпийских результатов. Бывает и так, что мама настаивает, чтобы дитё каталось, а сам ребёнок категорически против – на лёд не затащишь. Тогда я советую: попробуйте карате, или гимнастику, или плавание. Вдруг там пойдёт? Моя дочь вышла на лёд в 4 года. На мой взгляд, оптимальный возраст для начала. Она сама пришла ко мне: «Хочу кататься, как ты!» А полтора года назад вдруг заявила: не буду прыгать и возвращаться, хочу в танцы на льду. Так что теперь мы ищем партнёра, мальчика 12–13 лет! Открыты для предложений.

Константин Симонов, 1964 год

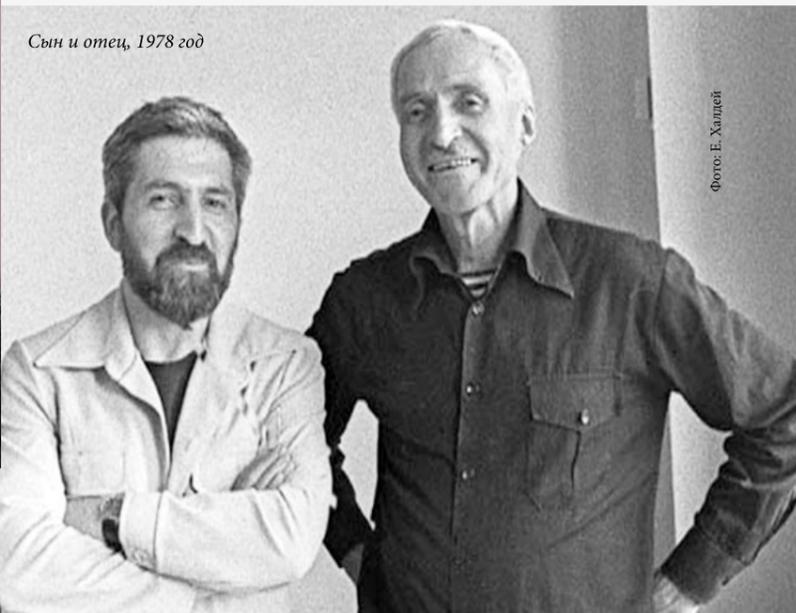
Константин Симонов
(второй справа)
среди солдат на фронте,
1944 год

Фото: Юрий Иванов / РИА Новости

Фото: Яков Румянов / РИА Новости

Алексей Симонов – писатель, режиссёр,
переводчик, редактор, правозащитник

Сын и отец, 1978 год

Фото: Е. Халдей

В летние дни 1941 года он встретил войну военкором

«От Москвы до Бреста нет такого места, / Где бы не скитались мы в пыли...» Это Константин Симонов написал о себе и товарищах – военкорах, которые первыми спешили сообщить о том, что происходит на линии фронта. Двумя годами ранее он посвятил своему соратнику по оружию, коллеге по литературному цеху Алексею Суркову слова: «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины, / Как шли бесконечные, злые дожди...» Вся его военная проза и лирика с передовой... «Жди меня, и я вернусь. / Только очень жди...» Симоновские строки подхватили миллионы солдат. Глубоко личное стихотворение, адресованное Валентине Серовой, вырезали из газет, переписывали, заучивали наизусть и читали-читали-читали – как заклинание, как спасительную молитву... После того как его опубликовали на третьей полосе газеты «Правда», лирика Константина Симонова встала в ряд русской классики. О своём отце «Прямой речи» рассказал сын – Алексей Симонов.

Из дворянского гнезда в советские люди

А родную мать Симонова стихотворение возмутило до такой степени, что она не удержалась и незамедлительно дала полный негодования ответ в той же стихотворной форме. В голове Александры Леонидовны Оболенской не укладывалось, как мог единственный сын написать строки: «Пусть поверят сын и мать / В то, что нет меня» – «...Чтоб я ждала, ты не просил / И не учил, как ждать, / Но я ждала всей силой сил, / Как может только мать...» – пишет Александра Леонидовна.

Княжна, выпускница Смольного института благородных девиц. После революции, вопреки сносящему вся и

всё до основания большевизму, не утратила стиля как в манерах, так и в лирике, сумев воспроизвести ритмический рисунок сына. Для неё он был вовсе не Константин, а Кирилл. Узнав, что её Кирюша сменил имя на литературный псевдоним Константин, возмутилась: «Константина не желала, Константина не рожала, Константина не люблю и в семье не потерплю!» Это произошло в конце 30-х годов. Приблизительно тогда же, когда в стенах Литературного института начинающий поэт встретил Евгению Ласкину. Оба студенты. Он о себе уже громко заявил стихотворением о венгерском писателе Мате Залке «Генерал», который

Фото: из личного архива Алексея Симонова

КОНСТАНТИН СИМОНОВ —

ЛИРИК, ПРОЗАИК,
ОТЕЦ, ЧЕЛОВЕК

Текст: Виталий ЛЕСНИЧИЙ

Евгения Ласкина
и Константин Симонов.
Единственное совместное фото,
1939 год

Два товарища – отец и сын.
Первое совместное фото, 1944 год

сражается в Испании на стороне республиканцев. Стихи настолько пронзительные и искренние, что по Москве ходила легенда – поэт был на Пиренеях.

– Нет, он там не был, – развеивает домыслы сын Константина Симонова Алексей Кириллович. Ему 81 год. Режиссёр, переводчик, писатель, редактор, журналист, правозащитник. Среди его работ художественные фильмы «Обыкновенная Арктика», «Мой нежно любимый детек-

«СВОЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОН НЕ СКРЫВАЛ, НО И НЕ ВЫСТАВЛЯЛ»

тив», «Вернёмся осенью», «Отряд»... И документальные... Как это часто бывает, немногие знают, что Алексей Симонов автор целой серии блестящих фильмов, посвящённых музыке: «С песней по жизни. Утёсов», «Споёмте друзья... Василий Соловьёв-Седой», «Мир Улановой», «Перпетуум мобиле, или Альбом для внучки» об армянском композиторе Эдварде Мирзояне, «Мастерская» – об азербайджанском композиторе Кара Караеве... Теперь эти киноленты – история музыкальной культуры целой эпохи.

– Алексей Кириллович, ваша бабушка, мама Симонова, – княжна. Дед, отец Симонова, также из дворян. В Первую мировую офицер царской армии, после

Февральской революции затерялся где-то в Польше. Читал, что Константин Симонов поменял имя, чтобы отдалиться от своих непростых корней...

– Это легенда. Отец не выговаривал «р» и «л». Как можно жить, когда в одном имени сразу две непроисносимые буквы? Своего происхождения он не скрывал, но и не выставлял. Родного отца Симонов не помнил. Когда тот принял решение не возвращаться в уже Советскую

Россию, мальчику было три года. Папу воспитывал отчим. Симонов вырос человеком новой формации. Более того, людьми новой формации были его мама и приёмный отец. И это при том, что самого отчима арестовывали в 1930-м, а родную тётю, сестру мамы Софью Леонидовну, расстреляли в 1937-м. По мере того как вырос, постепенно пришло понимание, что желательно иметь пролетарскую биографию. Поэтому после 8-го класса пошёл в фабрично-заводское училище (ФЗУ), стал токарем по металлу. А поступив в Литературный институт, поехал на Беломорский канал писать поэму о перековке воров «Павел Чёрный». Таких интеллигентов из рабочего класса в институте было больше половины. Евгений Долматовский, Михаил Матусовский, Маргарита Алигер... Они быстро сдружились.

– И там же папа познакомился с мамой...

– Да, жизненные пути обоих привели на Тверской бульвар. Он будущий поэт, мама – литературный редактор, критик. Но семейные узы между ними завязались не-

На сцене театра «У Никитских ворот»

надолго. Мне было две недели от роду, когда, в 1939-м, его отправили на первую войну – на Халхин-Гол. Папаша попрощался с матерью строками единственного стихотворения, посвящённого ей: «Я твоих фотографий в дорогу не брал, / Всё равно и без них, – если вспомним – приедем...» (стихотворение «Фотография». – Прим. ред.). Потом отец влюбился в Валентину Серову, а затем началась война. Больше родители вместе не жили, но общаться не переставали.

Из Сухуми в Сочи пел он много очень

Осознанное восприятие отцом сына и наоборот началось, когда Алексею исполнилось 14 лет. До этого постоянному общению то война мешала, то последовавшая за ней миссия посланника советской литературы и культуры, с которой Симонов разъезжал по миру от Японии до США.

– Видите эти фотографии? На одной мы оба с сигаретой. Конечно, я не курю. Только держу. Мне три или четыре года. А на другой я тоже с папой, мне 14 лет. Мы на даче в Сухуми, где я впервые попробовал «маджарку». Вот так весело он меня воспитывал, – смеётся сын.

Эту «непедагогическую» поэму Алексей Кириллович рассказывает со сцены театра «У Никитских ворот» в литературно-драматической композиции, посвящённой Константину Симонову. Спектакль одного актёра. Алексей Кириллович всю жизнь рядом со сценой. Студентом Института восточных языков МГУ вместе с Розовским, Рутбергом, Фарадой, Хазановым, Аксельродом, Вилькиным, Филипповым играл в университетской эстрадной студии «Наш дом». Тексты писали Арканов, Горин, музыку сочинял Максим Дунаевский. Это было в 1958-м. А в 2020-м спектакль сына об отце открывает армянский дудук:

– Эта мелодия из моего фильма об отце «Ка.Эм» (сокращённо Константин Михайлович. Так звали Симонова в близком окружении. – Прим. ред.), – поясняет сын своей музыкальный выбор при личной встрече. – Дудук как ни один другой инструмент передаёт всю содержательность грусти.

– А какая музыка звучала в доме папы?

– Музыка – совершенно не отцовское искусство. Не помню, чтобы он ходил в консерваторию. Мама меня туда водила. Отца я там никогда не видел. Вытащить его на танцевальную площадку можно было только тогда, когда играла «От Москвы до Бреста нет такого места» («Корреспондентская застольная». – Прим. ред.). Хотя я не очень представляю, как можно танцевать под эту музыку. Но об этом рассказывали люди, которые находились с ним тогда, когда ему, молодому, было не до меня. Матвей Блантер написал мелодию позже. Отец же сочинил текст на мотив популярной «Мурки» по дороге из Ростова в Краснодар. Шла война. Было настолько холодно, что он лишней раз не мог пошевелить руками, и потому не стал доставать ручку с блокнотом. Сочинял в уме. Каждый раз, как только придумывал очередной куплет, возвращался к началу и, напевая, чтобы не забыть, повторял. Так продолжалось всю дорогу. Когда приехали в Краснодар, шофёр направился в медпункт, где попросил осмотреть подполковника, который, видимо, сошёл с ума, потому что всю дорогу бормотал непонятные слова (смеётся). Кстати, это одно из немногих стихотворений Симонова, ущемлённых цен-

«СЛУХА У ОТЦА НЕ БЫЛО, НО, КАК ЛЮБОЙ ПОЭТ, ОН ЧУВСТВОВАЛ РИТМ»

зурой. Оригинальные слова «От ветров и водки хрипли наши глотки» заменили на «От ветров и стужи петь стали хуже...». Вообще было три поправки. В изменённой редакции песня исполнялась до 60-х годов. Слуха у отца не было, но, как любой поэт, он чувствовал ритм.

– Но на свои стихи песни, наверное, пел?

– Уж не знаю, какая шлея ему попала, но однажды мы с ним пели. Всего один раз. Тогда же, где я на фотографии в Сухуми и мне вот-вот исполнится 14 лет. 1953 год. Сталина уже нет. Отец женат на Валентине Васильевне Серовой. Я у него на даче. Должен был прилететь с Урала Толя Серов – сын Валентины Серовой и Анатолия Серова.

В 81 год Алексей Кириллович почти
полтора часа читает стихи отца наизусть

Он родился уже после гибели своего отца и жил в детском доме для трудновоспитуемых детей начальства в Нижнем Тагиле. Моложе меня на месяц и 6 дней. Мы поехали Толика встречать. Однако из-за непогоды аэродром Сухуми не принимал, и мы отправились в довольно долгое путешествие в Сочи, куда самолёт должен был приземлиться.

От Москвы до Берлина военкором. После войны Константин Симонов получил звание полковника

1941 год

– Самые стойкие?

– Уж не знаю, самые ли стойкие, но все, конечно, были «хорошие». Я по мере ответственности выпил немного. На выходе из «Метрополя», пока мы были ещё в холле, Крючкову с улицы крикнул швейцар: «Карета подана!» Николай Афанасьевич от нас сразу отпochковался и быстро уехал. А мы трое уже любили друг друга совершенно до неприличия. Нам вызвали такси, мы сели в машину и ко мне, на «Аэропорт»... Банкет в «Метрополе» проходил после торжественного вечера в ЦДЛ, где Симонов сказал: «...не всё мне в моей жизни нравится, не всё я делал хорошо, – я это понимаю, – не всегда был на высоте». Редко кто говорит на юбилее об этом. Эта цитата очень хорошо характеризует отношение человека к жизни.

– Сегодня легко давать оценки эпохе, критиковать и осуждать тех, кто стоял, как говорится, у руля, а как тогда он переживал то, что происходило?

– Вы задаёте вопрос, который мучает меня всю жизнь. Я не знаю ответа. Десять послевоенных лет отец идёт по красной дорожке: возглавляет журнал «Новый мир», «Литературную газету», Союз писателей, получает сталинские премии, ездит за границу. В 1949 году на фоне борьбы с космополитизмом выступает с соответствующим докладом. Даже в своей последней книге «Глазами человека моего поколения» он так и не смог объяснить природу этого порыва. Или не решился. Вслух он назвал фамилии из письма в ЦК. Ни одной от себя не приписал, личных счётов не сводил. Он назвал только тех, кто был в письме. Среди них и Саша Борщаговский (рассказ «Три тополя на Шаболовке», по которому был снят фильм «Три тополя на Плющихе». – Прим. ред.). Сам же Симонов его вытащил в редакцию «Нового мира» из Киева... Я не могу ответить. Жизнь ставила задачи, при которых, как ни поступи, – чистым не останешься. В этом он оказался похожим на своего любимого поэта Бориса Слуцкого, который на собрании в Доме литераторов осудил Пастернака, а потом 20 лет мучился и пытался сам себе и обществу объяснить свой поступок. Я не могу дать ответа на вопрос. Маму как еврейку в 1949-м уволили из Радиокomiteта, и, пока в 1956 году не приняли в журнал «Москва», она пе-

Фото: из личного архива Алексея Симонова

ребивалась случайными заработками. Десятилетие с середины 40-х до середины 50-х – это время, когда у меня была одна мама и раздвоенный папа.

– Но при этом он многим дал зелёный свет...

– Отец вернул читателю Ильфа и Петрова, отстаивал и заступался за Лию Брик, которую пытались вычеркнуть из биографии Маяковского. При нём наконец-то был опубликован роман «Мастер и Маргарита» и вышел полный перевод пьес Артура Миллера и Юджина О'Нила. Он пробивал многие спектакли Театра на Таганке и «Современника», первую выставку Таглина, добился выхода на русском языке романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», чему препятствовала Долорес Ибаррури – председатель компартии Испании, которая в это время жила в Москве. Роман замечательный, его подпольно читали, но никто не решался опубликовать. Отец долбил ЦК, потом поехал к Долорес и до чего-то они договорились. Книгу напечатали с предисловием отца. По тогдашней моде к любому иностранному поезду необходимо было присоединить советский паровоз в виде предисловия, в котором сообщалось о том, что состав не везёт никакого оружия. Естественно, предисловие написал отец. То же он сделал и перед публикацией «Мастера и Мар-

На даче в Гульрипиши, 1955 год

«ДЕСЯТИЛЕТИЕ С СЕРЕДИНЫ 40-х ДО СЕРЕДИНЫ 50-х – ЭТО ВРЕМЯ, КОГДА У МЕНЯ БЫЛА ОДНА МАМА И РАЗДВОЕННЫЙ ПАПА»

гариты». Это было необходимо, чтобы сдвинуть поезд. Сейчас говорят: «мы не любим предисловие к Булгакову, мы не любим предисловие к Хемингуэю». Правильно. Это же паровоз! Восемь колёс и пылящая машина. Что вы от него хотите? Паровоз придуман для того, чтобы сдвинуть с места состав. К сожалению, людей, готовых стать паровозом, было очень мало.

– С самим Хемингуэем отец не встречался?

– Нет. Они переписывались. В 1946 году в Америке на английском языке вышли «Дни и ночи Сталинграда» (американское название повести «Дни и ночи»). В США книга стала бестселлером. Хемингуэй написал Симонову письмо с приглашением приехать на Кубу. Поездку запретили, но переписка продолжилась.

– Алексею Герману после положенной «на полку» «Проверки на дорогах» не пришлось отца уговаривать снимать фильм по его повести «Двадцать дней без войны»?

– Ровно наоборот. Симонов пошёл на контакт с Германом и специально дал ему для экранизации своё произведение, потому что «своё» ему было бы легче пробивать. Отец принял участие в судьбе режиссёра.

– Тот же паровоз?..

– Ну да, но в этой истории конфликтов было более чем достаточно. Когда снимали, Симонов кричал: «Я вас вышвырну из монтажной, всё сделаю сам!» На что режиссёр отвечал: «Ну-ка попробуйте...» Об этом рассказывал

Герман. Они могли так разругаться, что, казалось, драки не миновать, но до рукоприкладства всё-таки не дошло. Симонову был чужд кинематограф Германа. Он понимал, что это искусство, но другое – чужое. Отец смог поверить в картину только тогда, когда ему человек сто, включая Товстоногова, сказали: «Гениально!» Алексей Юрьевич смог разглядеть и показать то, что увидел, но не написал Симонов. Вы видите в картине то, что побудило Симонова писать.

– Отец участвовал в выборе артистов?

– Конечно. Он предложил Анатолия Папанова Столперу для картины «Живые и мёртвые». До этой роли Анатолий Дмитриевич играл в Театре сатиры и слыл комедийным артистом. Столпер попробовал, и выяснилось, что Папанов точнее всех попадает в фактуру Серпилина, поскольку сам воевал. Также в «Двадцать дней без войны» решили попробовать Юрия Никулина. Когда отец от Германа об этом услышал, сказал: «Замечательная идея!» А потом чиновники Ленинградского обкома в отсутствие Симонова решили отстранить Никулина от съёмок: «Пока Константин Михайлович, на наше счастье, идёт Северным морским путём на пароходе и наблюдает величие нашей Родины, и пока его, на наше счастье, затёрло там во льдах, – за это время вы должны снять с роли Юрия Владимировича...» – указали Герману. Симонов, узнав о происходящем, по приезде явился в обком: «Какой у вас Жданов, это ваше дело! Но какой у меня Лопатин – от

Паровоз в общей топке

Мы общаемся за чашкой кофе в пиццерии на Ленинградском проспекте. Недалеко дом на Черняховского с мемориальной табличкой, указывающей на место жизни и работы писателя.

– В прошлом году исполнилось 105 лет со дня рождения Симонова. Как папа справлял дни рождения?

– Дни рождения не помню, но юбилей справлял. Очень хорошо помню 50-летие. Он меня вызвал и сказал: «Приглашены 120–130 человек. Стол будет накрыт в «Метрополе». Ты должен уйти оттуда последним. Хочу быть уверенным в том, что мы там никого не забыли и ни у кого не возникло неприятностей. Договорились?» Договорились! И я ушёл оттуда последним. Нас уехало четверо – Николай Афанасьевич Крючков, Анатолий Дмитриевич Папанов, главный редактор издательства «Художественная литература» Александр Иванович Пузиков и я, работавший в том же издательстве. Мы были последней тучей рассеянной бури гостей.

В отношениях Константина Симонова с Алексеем Германом конфликтов было более чем достаточно. Писатель и режиссёр обсуждают фильм «Двадцать дней без войны»

Кадр из фильма Алексея Германа «Двадцать дней без войны» по повести Константина Симонова «Записки Лопатина». Людмила Гурченко в роли Ники и Юрий Никулин в роли Лопатина

Фото: Руслан Кучеров / РИА Новости

Фото: РИА Новости

меня отвяжитесь, будьте добры, потому что я его выдумал вот из этой старенькой головки! Всего выдумал и написал – и Никулин этому соответствует».

«АЛЕКСЕЙ GERMAN В РОЛИ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ВИДЕЛ АЛЛУ ДЕМИДОВУ. НО СИМОНОВ НАСТОЯЛ НА ГУРЧЕНКО»

– А Людмила Гурченко?..

– Алексей Герман в роли Нины Николаевны видел Аллу Демидову. Но Симонов настоял на Гурченко. Режиссёру Людмилу Марковну пришлось, как он говорил, переделывать, чего актриса ему не простила. Воевала с ним до конца жизни. Даже когда спустя годы рассказывала о работе в картине, не упоминала его имени.

В узлах памяти

– Отец рассказывал о своей войне?

– Я не помню, чтобы отец рассказывал о войне, но однажды со своим водителем при мне заговорил про Керчь. Как, укрываясь от бомбёжки, лёг на землю, и уже по приобретённой на фронте привычке стал смотреть в небо на падающие бомбы. Вместе с ними летели и осветительные ракеты, в свете которых он вдруг обнаружил, что лежит, зажатый ящиками с минами... А Герману он рассказывал о «раскатанных по асфальту лицах». В Германии это было. «Упал наш солдат во время боёв, прошёл грузовик по лицу. Прошёл ещё грузовик. Прошло сто грузовиков. Прошло пятьдесят танков. Потом опять грузовики. Не буквально, к примеру. И лицо становилось как раскатанный кот на дороге, толщиной как три листа бумаги. Гигантской величины. При этом сохраняются все черты лица, но становятся немного младенческими. Распластанные уши, нос, глаза.

Если очки, то сохраняются очки...» «Только не вздумайте это снимать», – спохватился отец.

– Жуть...

– Отец был хороший писатель, но неважный рассказчик. Однако память у него была блестящая. Достаточно сказать, что дневники 41-го года – вовсе не дневники в буквальном смысле слова. Он по

фронтным блокнотам потом диктовал машинистке большую часть из того, что помнил, а не только то, что в них было записано. Отсюда и «Живые и мёртвые», и «Так называемая личная жизнь», и «Разные дни войны». Конечно, надо признать, пережитое сильно запомнилось. Желание о себе что-то рассказать, в том числе собственному сыну, возникало спорадически, для меня – как узел памяти. Поездка от Сухуми до Сочи – первый узел памяти, музыкальный. А второй завязался в июне 57-го. Он прилетел ко мне в Якутию – на Сунтар-Хаята. Это 900 километров от Якутска и 200 от Оймякона – континентального полюса холода Земли. Он застал меня на леднике. Прилетел сразу после Пленума ЦК КПСС, на котором из ЦК были выведены Молотов, Маленков, Каганович и примкнувший к ним Шепилов. Это был для него ещё один шаг освобождения от тени Сталина. В дороге с отцом не оказалось никого, с кем он мог бы быть откровенен, и первым человеком, с которым можно было поговорить об этом, оказался я. Мы всю ночь ходили вокруг дома, и он рассказывал историю Пленума. Ему это было важно. Но он даже не представлял, насколько важ-

ной беседа оказалась для меня. Это одна из высших точек нашего общения. Мне месяца не хватало до 18-летия, и я ему был интересен. Отцу наше времяпрепровождение так понравилось, что, после моего возвращения в Москву, он предложил поехать с ним в Среднюю Азию, где мы провели вместе полтора месяца.

– Как вас занесло в Оймякон? Дух авантюризма?

– Помесь авантюризма с разумным отношением к жизни. Я собирался поступать во ВГИК, но понимал, что жизненный опыт десятиклассника, окончившего с серебряной медалью английскую школу, вряд ли достаточен для того, чтобы стать режиссёром. Поэтому решил отправиться в экспедицию. Поскольку понимал, что меня, 16-летнего, туда так просто не возьмут, обратился за помощью к отцу. Ему эта идея очень понравилась, и он принялся мне помогать. Да так рьяно, что чуть не отправил меня в Антарктиду. В последний момент начальник экспедиции Алексей Трёшников (океанолог, участник 22 экспедиций в Арктику и Антарктику, будущий профессор, академик. – Прим. ред.) не решился брать на борт юнца с неизвестными последствиями в поведении. И тогда автор бессмертного творения «Далеко от Москвы» Василий Николаевич Ажаев порекомендовал мою кандидатуру сотрудникам Института мерзлотоведения в экспедицию. Это было знаком признательности отцу за помощь в работе над романом и его публикацию в журнале «Новый мир», который Симонов с 46-го года возглавлял. Дело в том, что Ажаев был репрессирован, сам участвовал в стройках на Дальнем Востоке и наблюдал, как на них трудились ээки. Но об этом написать, конечно, не мог. Поэтому заменил осуждённых участниками социалистического соревнования. Отец ему в работе над текстом помогал. Так появился роман, который имел большой успех и получил Сталинскую премию.

В экспедицию меня оформили лаборантом. Я провёл на Севере две зимовки. Первую непосредственно в Оймяконской котловине, на Сунтар-Хаята. Вторую – в Якутске, но там тоже не сахар: –52° ниже нуля. На Сунтар-Хаята на маршрутах я собирал данные наблюдений, валил лес, кашеварил. В Якутске переводил с английского и на ан-

специально к моему дню рождения. Представьте себе, что он не испортился за несколько дней пути и был настолько вкусный, что Галич не удержался и отправил бабушке телеграмму в стихах, где её назвал «гением печения». У неё было три дочки, и она всех научила прилично готовить, но ни у одной таланта не оказалось. Он перешёл ко мне. Всё дело в руках. Я месил тесто так, как никто. Видимо, Бог сверху указал.

Писатель в экспедиции у сына на полюсе холода. Слева от отца Алексей Кириллович

Фото: из личного архива Алексея Симонова

Встреча на славу!

– А папа мог сам что-нибудь приготовить?

– Замечательно мог приготовить. Он очень любил жарить мясо, делать салаты, угощать новым блюдом. Отец всегда привозил из своих зарубежных поездок что-нибудь экзотическое, у него я всё перепробовал – от устриц до анчоусов. Он в этих поездках не зависел от благоволения начальства. Ему оплачивали билеты, командировочные, а он за рубежом получал авторские отчисления за опубликованные там произведения. Видимо, как-то он с начальством договорился, потому что повесть «Дни и ночи Сталинграда» в США вошла в десятку самых покупаемых книг. Так что он был состоятельным человеком. На нашем танкере устроил приём для Чарли Чаплина, о чём сообщили все американские газеты.

...Об этом Константин Симонов написал в своих воспоминаниях «Истории тяжёлая вода». В сравнении с сегодняшними вечеринками и тусовками приём прошёл более чем скромно. Семь американцев и столько же наших гостей, включая консула

и Симонова. На обед борщ, бефстроганов, на десерт кофе, шампанское. Водки на корабле не оказалось и в бутылки из-под «Московской особой» разлили ту, что купили в супермаркете Лос-Анджелеса – «Смирновскую». Для «особенности» предварительно настояли на лимонных корках и перце... Чаплин накануне заявил, что из-за грядущих съёмов крепкого ему пить нельзя и в десять вечера он должен будет удалиться. Но уже от первой рюмки не отказался, а потом последовали вторая, третья... Уже затемно все вместе смотрели советские фильмы «Медведь» и «Выборгская сторона». Первый на него впечатление не произвёл, а второй смотрел на одном дыхании, не отрываясь. Приём завершили в лучших традициях – пели под баян русские и советские песни, после чего стали расходиться и в 4 утра напра-

«ЖИЗНЬ СТАВИЛА ЗАДАЧИ, ПРИ КОТОРЫХ, КАК НИ ПОСТУПИ, – ЧИСТЫМ НЕ ОСТАНЕШЬСЯ»

глийский и, обустроивая быт участников экспедиции, добывал провиант на местных складах. Но лучше всего пёк хлеб, хотя, когда туда отправлялся, печь не умел. Меня там научили. Со второго раза у меня хлеб поднялся в два раза выше, чем у тех, кто учил. Вставал над формой коричневым горбом, переваливал за края невероятно вкусной корочкой.

– Неожиданно талант проснулся?

– По маминной линии у меня бабка – гений печения, мать-пирогиня. Так её назвал Александр Галич. Однажды мы вместе отдыхали в Алуште, и бабушка заранее в Москве испекла торт, который с нами отправила в дорогу

Кадр из фильма «Жди меня» режиссёра Александра Столпера по мотивам произведений Симонова. Слева Борис Блинов в роли Николая, в центре Лев Свердлин в роли военкора Миши Вайнштейна, справа Валентина Серова в роли Лизы. Алма-Ата, 1943 год

На даче в Переделкине в гостях у Симонова собирались и писатели, и полководцы войны, 1966 год

Фото: Михаил Грахман / РИА Новости

вились к трапу, под которым в ночной темноте обнаружили толпу журналистов. Несмотря на закрытый формат встречи, информация в СМИ просочилась, и на следующий день американская пресса пестрела заголовками на первых полосах о том, как Чаплин участвовал в оргии большевиков на «красном» корабле. Что уж говорить – посидели на славу!

– Но в тех воспоминаниях нет одного любопытного эпизода, о котором мне рассказывал отец, – продолжает Алексей Кириллович. – Он произошёл не на палубе, а в гостях у Чаплина дома. Они компанией играли в популярную тогда в Америке игру. Один выходит из комнаты, а другие оценивают качества его характера по 5–6 пунктам. Потом герой возвращается и по тем же пунктам оценивает себя сам. Весь вопрос в том, насколько собственная оценка совпала с мнением окружающих. Так вот... Когда Чаплин вышел, они решили пошутить и договорились выставить ему за чувство юмора четвёрку. Сам же артист, конечно, себя оценил на «5». И когда узнал, что от приятелей получил балл ниже, жутко обиделся, чем доказал, что чувство юмора у него действительно хромало.

Хорошие слова

– Константин Михайлович был военным человеком. Он вас муштровал?

– Вы что, смеётесь? Он приличный человек. Уважал меня и самого себя. Понимал, что меня воспитывать ему не надо. Я не знаю, что такое муштра. Меня воспитывала мама абсолютно свободным человеком. Она великая женщина. Ей посвятили стихи очень достойные поэты – Давид Самойлов, Женя Евтушенко, Володя Корнилов. «Я зарастаю памятью, / Как лесом зарастает пустошь...» Самойлов посвятил моей маме.

– Она устроила свою личную жизнь, после того как ушёл отец?

– Мама была замужем за одним малопочтенным гражданином. Я его вынужденно принял, потом терпел. Он оказался человеком средних способностей и огромных амбиций. Моя любовь к матери вражду к нему преодолела. Потом он от матери ушёл, женился, уехал в Америку, где и помер.

– Своим воспитанием считаете себя обязанным маме?

– Конечно. Она не просто воспитала меня, но и повлияла на мои вкусы. Когда я сдуру написал и показал ей первые свои стихи, она так испугалась, что обрушила на меня всю русскую поэзию. Я её так полюбил, что с тех пор стихов не пишу, а исключительно читаю. 12

лет назад я выпустил 17 серий 15-минутных фильмов, посвящённых поэтам, где сам читаю стихи. Они все показаны по каналу «Культура».

– Пути отца и Рокоссовского пересекались?

– Конечно, они встречались и друг к другу хорошо относились.

– Известна история о том, как однажды Сталин вызвал к себе Рокоссовского и поинтересовался: «Чья жена Серова?» Будущий маршал ответил: «Симонова», на что Сталин сказал: «Я тоже так думаю», чем положил конец любовному треугольнику Рокоссовский – Серова – Симонов. Эта история имела место?

– Эту историю категорически отрицают и Симоновы, и Рокоссовские. Если вас она интересует, обратитесь к Марии – дочке Серовой и Симонова. Лишь однажды отец мне рассказал о том, как Серова передала с ним письмо на фронт, адресованное Рокоссовскому. Симонов, не распечатывая, тому его вручил. Рокоссовский был очень смущён. Больше ничего не могу сказать. Что там было и в какой степени это легенда, а в какой – реальность, к счастью, никто не знает.

– Вы хорошими словами вспоминаете Валентину Серову. Неужели, после того как отец ушёл к ней, не было никаких обид?

– Никаких. Поймите одну простую вещь. Я был воспитан моей собственной мамой. К папе меня возили. Когда меня привозили к папе, у него была жена. Её звали Валентина Васильевна. У них был сын Толя. С Толей у меня были достаточно сложные отношения, потому что он жил с отцом и был Серов, а я жил с отцом с фамилией Симонов. Конфликты возникали, если мы начинали делить папашу, но Валентина Васильевна для них не давала ни малейшего

повода. Наоборот, когда я у них бывал, старалась выказывать объективно одинаковое отношение к детям – что к Толе, что ко мне. Я это чувствовал. У меня очень добрые отношения с дочерью Серовой и Симонова Марией. Более того, мы с начала создания Фонда защиты гласности работали вместе 15 лет.

догадывающийся Тихонов, сообразил, что мы собираемся сделать. Я отошёл от машины, в левой руке урна, правой рассеиваю пепел, который ветер уносит. Вернувшись к дороге, военкома не увидели. Он исчез. Мы помянули и поехали обратно в гостиницу, где нас уже встречало всё областное руководство. Оказалось, в наше отсутствие военком связался со своим начальством, те – с республиканским, республиканское – с московским. В Москве ответили – если уже сделано, так тому и быть. Завещание Симонова руководство области ошеломило. Это была высшая дань уважения к Белорусской земле. Позже Лариса Алексеевна (Жадова, последняя жена Симонова. – Прим. ред.) решила это место обозначить и установила памятный камень, вокруг которого постепенно вырос мемориальный комплекс Буйничское поле. Это большая честь для писателя – стать частью истории одного из самых пострадавших в этой великой войне народа.

– После смерти отца вам не пришлось о чём-нибудь сожалеть?

– Отец умер в августе 1979 года через 20 дней после моего 40-летия. А в 1984-м вышел главный для меня фильм – «Отряд». Я снимал его, каждый день думая и помня об отце. Картина мне принесла феерические награды, а вместе с ними одно большое горе: я не мог показать её отцу и до сих пор не знаю, понравилась бы она ему или не понравилась...■

По воле отца

– Что сейчас в доме напоминает о папе?

– Ничего, кроме фотографий и книг. Никто ничего не сохранял. Когда коснулось отца хоронить, мы не нашли ни ордена Красной Звезды, ни звезды Героя Социалистического Труда. А как без красной подушки с наградами провезать? Нас выручили Михаил Куприянов и Марк Келлерман. Одолжили на церемонию прощания. Потом мы сообразили, что орденом мы наградили его сами. На самом деле он этой награды не имел.

– В наши дни после смерти известного человека начинаются конфликты между родственниками из-за имущества. У Константина Михайловича была яркая личная жизнь – четыре брака, четверо детей. Между наследниками споров не было?

– О чём вы говорите?.. Всё материальное имущество – квартира и дача, естественно, остались жене. Авторские за литературные произведения распределены поровну на половину: 50% вдове, 50% поделились между детьми. Самым необычным в завещании отца оказалось его желание развеять прах над Буйничским полем под Могилёвом в Белоруссии. Там летом 41-го шли тяжёлые кровопролитные бои, которые он запомнил на всю жизнь.

– При всенародной любви сложно было выполнить волю отца?

– Мы этого не афишировали. В Могилёв поехали через пять дней после официального прощания. О цели поездки никому не сообщили. По семейной версии решили проехать по местам отцовской военной юности. О том, что мы везём урну с прахом, не знали даже водители. Когда приехали, выяснилась пикантная деталь – никто не представлял, где это поле. Выручил местный военком Николай Александрович Тихонов и отвёз нас к этому месту. Мы подъехали, я достал урну из багажника, и тут, прежде ни о чём не

«В 1984-м ВЫШЕЛ ГЛАВНЫЙ ДЛЯ МЕНЯ ФИЛЬМ – «ОТРЯД». Я СНИМАЛ ЕГО, КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДУМАЯ И ПОМНЯ ОБ ОТЦЕ»

Алексей Симонов у памятного камня на Буйничском поле под Могилёвом, Белоруссия

Фото: из личного архива Алексея Симонова

ЗАКАТ КЁНИГСБЕРГА

Национальный фонд поддержки правообладателей
и Благотворительный фонд актёров представили книгу
Леонида Аринштейна «Письма с фронта и не только»

На презентации книги в Доме русского зарубежья
имени Александра Солженицына

Фото: Наталья Лемченко

Гитлер называл бывшую столицу Восточной Пруссии «бастионом немецкого духа». В годы Второй мировой войны укрепления бывшей прусской столицы состояли из трех линий обороны, нескольких десятков фортов, бесчисленных железобетонных дотов, артиллерийских позиций, противотанковых рвов и минных заграждений. В феврале 1945 года Третий Белорусский фронт во главе с маршалом Александром Василевским подошёл к окраинам Кёнигсберга. Несколько месяцев шла скрупулёзная тактическая подготовка штурма, который начался 6 апреля и продлился ровно 81 час. 9 апреля комендант Кёнигсберга, генерал Отто фон Ляш, отдал приказ о капитуляции. В те дни на улицах города воевал 19-летний лейтенант, командир отдельного взвода 1095-го стрелкового полка 324-й дивизии Леонид Аринштейн – в мирное время филолог, историк, пушкинист, автор 15-томного издания Пушкина на английском языке, всю свою жизнь посвятивший исследованию жизни и творчества русских поэтов и писателей. В годовщину штурма Кёнигсберга, 7 апреля, в Большом зале Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына прошёл вечер памяти и презентация книги известного учёного – «Письма с фронта и не только», выпущенной посмертно при поддержке Благотворительного фонда актёров и Национального фонда поддержки правообладателей.

Текст: Ирина ВАЛЬДЕС

Леонид после первых двух месяцев боёв
в Восточной Пруссии. Март 1945 года

На выпуске Харьковского военно-медицинского
училища, после которого Леонид отправился
на фронт, 1944 год

Собственная биография Леонида Матвеевича, опалённая войной, достойна увлекательного рассказа. Вопреки воле отца, выхлопотавшего для сына местечко в тыловой войсковой части, 17-летний мальчик в 1944 году ушёл на фронт догонять Красную Армию, которая громила врага уже в Европе. Оттуда его письма родителям в далёкий Ашхабад.

Это – основное, из-за чего я не пошёл к Малиновскому. Не удивляйтесь, не ругайте меня раньше времени, я не буду вам ничего доказывать, разъяснять, что я не мог поступить иначе. Забудьте, вычеркните навсегда папину поездку и её возможности, которыми я пренебрёг. До свидания. Целую крепко. Лёня».

События самой кровопролитной войны в истории человечества запечатлены в бесчисленных исторических документах и трудах, но именно письма с фронта, пропахшие порохом, гарью и кровью, стали бесценным свидетельством героизма и трагедии нашего народа в годы Великой Отечественной войны. Шесть десятков писем юного Леонида Аринштейна, написанные в последние месяцы войны, погружают читателя в реальность сурового солдатского быта. На маленьких открытках, обрывках листовок, случайных бланках ему удавалось вмещать тексты размером с машинописную страницу, полные ярких деталей, точных наблюдений, юношеской искренности, глубоких размышлений и веры в Победу.

«Смоленск. 2 августа 1944. Ура! Опять я на колёсах, еду на Второй Белорусский. Подробно напишу когда-нибудь, пока вкратце постараюсь описать, что было за это время. Получил я назначение в танковую бригаду, формировавшуюся в Москве. Но туда опоздал и вернулся опять в резерв. К этому времени ребята наши разъехались по фронтам и меня по-

«ПЕРВОЕ ВРЕМЯ МНЕ БЫЛ
ОДИНАКОВО СТРАШЕН
ВСЯКИЙ ВЗРЫВ
И СВИСТ...»

«Москва. 28 июля 1944 года. Здравствуйте, дорогие! Наконец-то нашёл свободную, вернее, не заполненную минуту, и спешу написать письмо. В ночь на 24 июля мы приехали в Москву. Мне здесь понравилось, чувствуется какая-то кипучесть жизни. Но долго я здесь оставаться не хочу ни за что на свете.

Фото и репродукции: из личного архива Ирины Юрьевой

Вид Кёнигсберга. На заднем плане башня рыцарского замка.
Иллюстрация из довоенного немецкого журнала

Во внутреннем дворе
рыцарского замка

слали на первый попавшийся Второй Белорусский. Вчера ночью уехал с Белорусского вокзала в Смоленск. Сегодня уже пересел на поезд в Рославль. Еду местами, где, вероятно, были леса, дороги и дома. Но всё это было и сейчас восстанавливается. Дорога-одноколейка, по обе стороны – сожжённые вагоны. Сам Смоленск сохранил только название и десяток домов с крышами. Остальное: обгорелые стены и вновь выстроенные дома. Вокзала нет, белья взять было негде, так что еду так».

«Свою» часть Леонид Матвеевич нагнал уже в Польше, где быстро попал на передовую. «Вот уже больше месяца я здесь, но не имею ни одной весточки ни от вас, ни из Москвы. Особого настроения писать нет, потому что пишешь в неизвестность. Из ваших писем я пони-

«У НАС ДЕЛАЛОСЬ ВСЁ, ЧТОБЫ СБЕРЕЧЬ СОЛДАТ...»

маю, что вы не имеете никакого представления о моём житье-бытье, – читаем строки, написанные **22 сентября 1944 года**. – Во всяком случае, жалеть меня нечего. Я сейчас как никогда за время войны чувствую себя удовлетворённым морально. Не подумайте, что я огрубел, и поэтому пишу так. Напротив, я лучше других понимаю, как можно жить хорошо... Ты, мама, желаешь мне не испытывать чувство страха. Думаю, что не придётся. Я убедился, что во всех переплётах, под снарядами, под пулями у меня проявляется какая-то подсознательная уверенность, которую не может прогнать никакое логическое мышление, что всё будет в порядке. Не скажу, что страшно не бывает. Напротив. Бывает, очень даже часто и привыкнуть к этому невозможно. Лишь опыт даёт возможность обстрелянному воину стоять спокойно, когда слышится свист снарядов. Первое время мне был одинаково страшен всякий взрыв и свист, а теперь просто лова ухом звуки, можно с уверенностью сказать, где – опасность, а где – стрельба, недостойная внимания. Привет вам от моих ребят. Целую крепко. Желаю больше бодрости и здоровья».

Первую весточку из дома Леонид Аринштейн получил **16 октября**: родители поздравили сына с днём рождения, прошедшим накануне – 15.10. Бойцу исполнилось 19 лет. «День рождения был не особенно удачным... за день перевязал 19 раненых, из коих двое погибли», – пишет Леонид в ответ в 20-х числах месяца. Он командир отдельного взвода. «Моему взводу поручались самые разные вещи... Самым важным и самым сложным в нашей работе было обеспечить своевременный вынос раненых с поля боя», – пишет Леонид Матвеевич в своей книге: «Работа эта была не из лёгких: доползти под огнём немцев до упавшего солдата, разобраться, ранен или убит, и оттащить его на себе метров на сто, а то и на триста, не имея возможности маскироваться и отстреливаться... Причём полагалось тащить не только раненого, но и его оружие – винтовку, противотанковое ружьё. Не-

удивительно, что за вынос, кажется, двадцати раненых с поля боя (обязательно с оружием, иначе не считалось) полагалась высшая в то время награда – орден Ленина, как за три уничтоженных танка». Также взвод Леонида Аринштейна участвовал в сборе разведывательных данных, обеспечивал порядок и правильность в движении батальона во время переходов.

В своих дневниках молодой офицер опровергает мнение о том, что на передовой наше командование использовало солдат как пушечное мясо. Он так и пишет: «Вообще, это мнение о том, что якобы на солдат, рядовых смотрели как на пушечное мясо – может быть, в верхних эшелонах так оно и было, – но на опыте нашего батальона это совершенно не подтверждалось: у нас делалось всё, чтобы сберечь солдат...» И далее приводит в пример своего командира – старшего адъютанта Андрея Кузина, которого сравнивал с Грушницким из «Героя нашего времени», но в отличие от лермонтовского персо-

Генеральный директор Благотворительного фонда актёров Лариса Назарова на вечере памяти поблагодарила всех, кто работал над книгой

нажа тот не имел никакой «рисовки» в храбрости: «...он совершенно спокойно реагировал на опасность, будь то обстрел или вражеская засада... Если он понимал, что идёт сильный огонь, он старался положить роту, батальон, чтобы те не лезли, когда не надо и куда не надо... Своей заботливостью, предусмотрительностью просто многим из нас спас жизнь». Командир Андрей Кузин был немногим старше своего подчинённого. Вообще, по воспоминаниям Леонида Матвеевича, большинству офицеров было 22–23 года. Самым старшим считался замполит, ка-

питан Непейвода. Ему было 35–40 лет. Бойцам он казался глубоким стариком. «Он был украинец, человек необычайно добродушный и вёл себя удивительно благородно и скромно... не прятался во время боёв... Когда было много раненых, помогал в выносе с поля боя, когда надо было наступать, шёл в атаку...»

Начало января, 1945 г. «С новогодним приветом, дорогая мама!.. Посмотри на картинку на обороте, в таком лесу я сейчас и обитаю – только ещё более густом и высоким. Снег сейчас лежит очень глубокий, и картина получается красивая – особенно мой блиндаж, сделанный в холме, весь занесённый снегом, как сказочный замок людоеда! Теперь я вижу, как неправильно мы считали легкой ашхабадскую зиму – здесь зима хотя снежная, но не особенно холодная, а главное ровная и переносится легко. Получил, наконец, английское обмундирование и в белоснежной шапке-ушанке принял совсем бравый вид...» А **14 января** пишет следующее: «...Вчера взяли пленного немца – он ещё в летнем обмундировании! А сегодня целый день валит снег – как замечательно тепло мы одеты!» Во второй половине января фронт приходит в движение в направлении Восточной Пруссии. Начинается наступление на германскую цитадель. Леонид

Матвеевич вёл краткий дневник, куда вносил отвоёванные населённые пункты и потери. «21/января/. Сосня, Бялашево, Пененжно, Гацки, Лойки (Польша. – Прим. ред.). Под Лойками нас обстрелял аррьергард отступающей немецкой части... 22/января/. Окул, Марецки,

«ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БЫЛ НЕ ОСОБЕННО УДАЧНЫМ... ЗА ДЕНЬ ПЕРЕВЯЗАЛ 19 РАНЕННЫХ, ИЗ КОИХ ДВОЕ ПОГИБЛИ»

Пенково, Воеводзин, Пруске-Станы, Граево» (Польша. – Прим. ред.)... 23/января/. 10/часов/20 минут/ пересёк Германскую границу». Как вспоминает Леонид Матвеевич, после её перехода в советских частях царил необычайное возбуждение. «Такого искреннего ликования я, пожалуй, не помню ни в день, когда мы услышали о взятии Берлина, ни в день Победы 9 мая. Радостное чувство буквально не умещалось в груди, рвалось наружу...» «Мы в Германии! Мы победили!» Но впереди был Кёнигсберг. Вначале был стремительный переход. В день проходили порой по 28–30 километров, однажды – 38. По мере приближения марш-бросок прекратился. Пошли засады, ловушки, небольшие, но порой упорные бои за опустевшие города и деревни... «Гражданское население эвакуировалось почти полностью, первое время в селениях мы не встречали ни одного живого человека: деревни стояли пустые, а в домах было всё – молочные продукты, которых на фронте вообще никто не видел, колбасы, сахар в мешках. Кроме того, у них в те времена были вакуумные консервы с вареными курами или индюшками в застывшем бульоне, – надо было за резиночку от крышки потянуть, и можно есть, и это было гораздо вкуснее, чем однообразная солдатская пища».

«...Мы тихо-мирно шли, как уже привыкли за эти дни, по дороге, обсаженной липами, как вдруг откуда-то из-за пригорка показалось несколько немецких танков, а танки тихо ходят только в кино, тут они мчатся быстро». Это было 2 февраля. И далее, в письме от 23-го читаем следующее: «Сегодня месяц и один день, как мы начали наступление. За это время пришлось насмотреться много и хорошего и плохого... Как пишут в сводке, мы «сжимаем кольцо восточно-прусской группировки» – и каждый день есть населённый пункт, взятый именно нами. Немцы сопротивляются очень упорно, и бои сейчас носят напряжённый характер – каждый день берём пленников (мне уже надоело их допрашивать [Леонид Матвеевич в совершенстве владел немецким языком. – Прим. ред.]). Но многие мои товарищи, с которыми я очень сдружился в Осовце, уже убиты или ранены. Пока кончаю писать, чтоб скорей отослать вам письмо – начал я его вчера, а сегодня, пока закончил, мы приблизились к морю ещё на 2 км, и многих бывших живыми, когда я его начинал, уже нет...»

Прейшиш-Арнау, 21 марта. «Окошко в комнате обращено на запад, и в ясные дни прямо из комнаты виднеются трубы предместий Кёнигсберга. Позавчера как раз был такой ясный день, и мы с удовольствием наблюдали, что вытворяла наша авиация с городом!.. Начали бомбить ещё засветло и продолжали долго после наступления темноты, правда, темноты нет – вся местность освещается ракетами и пожарами города – у нас в таких случаях дрожит весь дом и летят стёкла».

Кёнигсберг к этому времени уже не являлся одним из красивейших городов мира, каким был признан до войны. Налёты англичан в августе 1944 года уничтожили 20% промышленных объектов и 41% всех зданий. В первых числах апреля 1945 года совместными силами английская и американская авиация разрушила столицу Восточной Пруссии почти до основания. «Говорят, что бомбили англичане и американцы, но, по-моему, его бомбили и наши...» – пишет позже в своей книге Леонид Аринштейн. Благодаря этим массированным бомбардировкам город был взят за несколько дней. «Всего пять

дней назад я писал вам письмо перед штурмом, и теперь всё кончено, – седьмого (апреля) все офицеры перед строем целовали знамя и клялись победить или умереть, а сегодня утром уже был митинг в честь победы, причём большинство присутствовало именно живыми. Мы не ожидали такой быстрой развязки – надо сказать, что такой небывалый успех был возможен лишь благодаря детальной подготовке всех частей, стремительности и точности исполнения плана». Это написано 10 апреля 1945 года.

...Спустя много лет первым читателем писем Леонида Аринштейна стал режиссёр Никита Михалков. В период подготовки к съёмкам фильма о Великой Отечественной войне режиссёр с увлечением расспрашивал ветерана о военном времени, показывал сценарий фильма. В апреле 2016 года уникальные фронтовые письма были переданы на хранение в Госархив РФ. Воспоминания Леонида Аринштейна о штурме Кёнигсберга и судьбе знаменитой Янтарной комнаты, записанные телекомпанией Russia Today в 2007 году, а также литературная композиция по фронтовой переписке стали смысловой доминантой торжественного мероприятия, прошедшего в Большом зале Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ведущая вечера Лариса Назарова, генеральный директор Благотворительного фонда актёров, заслуженный работник культуры РФ, сердечно поблагодарила сотрудников издательства «Грифон», которым удалось издать бесценный документ военного времени в сложных эпидемиологических условиях и в рекордно сжатые сроки. Составитель книги «Письма с фронта и не только» Ирина Юрьева отметила, что Благотворительный фонд актёров и Национальный фонд поддержки правообладателей не только издали книгу за собственные средства, но и передали весь тираж через централизованную библиотечную систему в библиотеки российских городов: «Более 100 экземпляров были переданы в библиотеки Калининграда. Отклики на эту книгу музейных историков, исследователей, педагогов я не забуду никогда», – отметила составитель. ■

«МЫ В ГЕРМАНИИ! МЫ ПОБЕДИЛИ!»

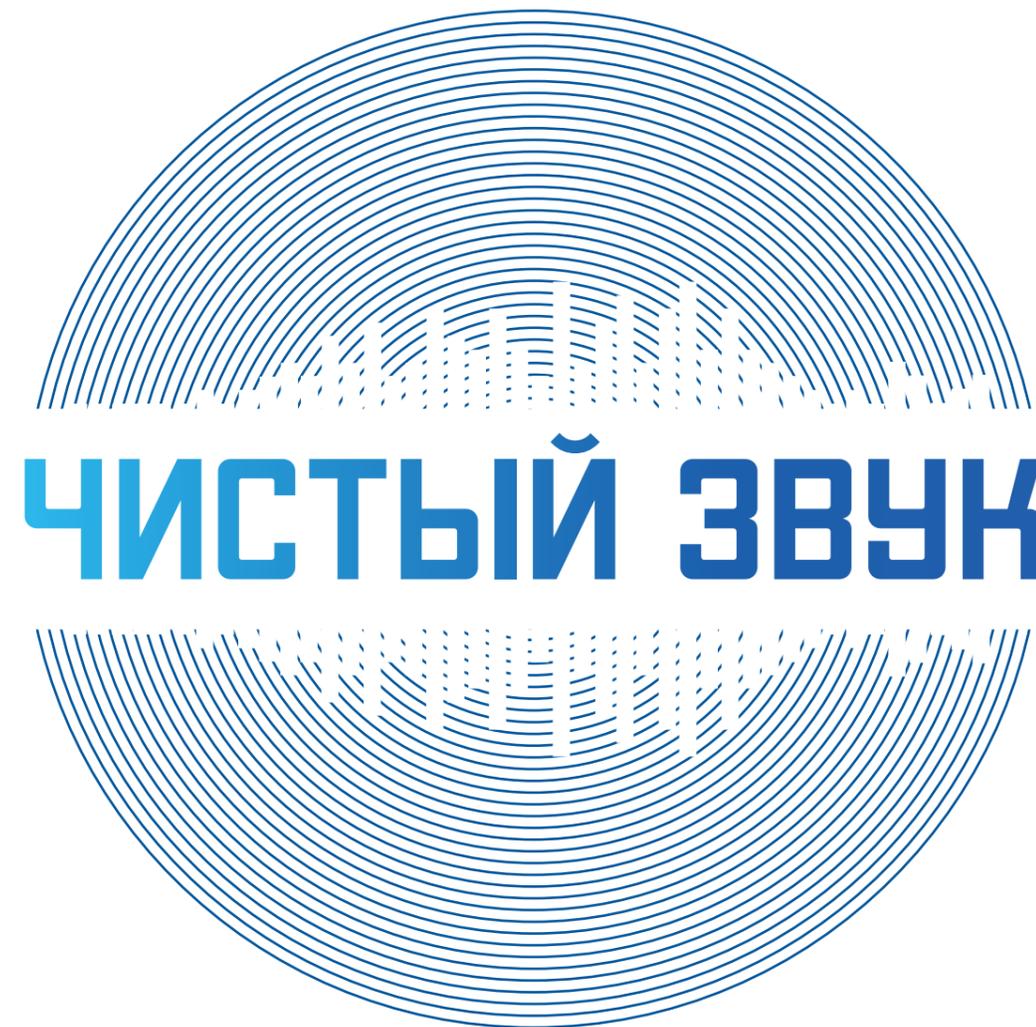
Вместо эпилога

После войны Леонид Аринштейн окончил филологический факультет Ленинградского университета. В Российском фонде культуры способствовал возвращению на родину культурных ценностей – документов, архивов. Ныне они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, Российской государственной библиотеке. И всю жизнь Леонид Матвеевич исследовал и популяризировал имена российских писателей и поэтов за рубежом. Свою последнюю книгу – переработанное издание первой части «Непричёсанной биографии Пушкина» – закончил за 10 дней до смерти, 25 сентября 2019 года. В ней новый, переосмысленный взгляд на жизнь и творчество поэта. Когда её дописывал, зрение ослабло. Не имея возможности читать и писать, правку вносил диктовывая. В свои без 10 дней 94 года он помнил и знал весь материал, оперировал датами, именами, воспроизводил малейшие детали биографии своего героя. И до последних дней трудился в Государственном архиве России. К такой жизни должно стремиться каждому человеку – яркой, нужной, полезной.

ОРГАНИЗАТОР:

РОССИЙСКИЙ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОЮЗ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕМИЯ ЗА ЛУЧШУЮ АУДИОЗАПИСЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР “ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ”

ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ
3 СЕНТЯБРЯ 2021 ГОДА

РЕКЛАМА

ПАРТНЕРЫ:

Фото обложки: Евгений Евтюхов

Журнал «Прямая речь»

«Direct speech»

Издаётся при поддержке
Российского музыкального союза

Редакционная коллегия: Марина АЛЕКСАНДРОВА,
Татьяна МАКАРОВА, Оксана АРХИПОВА

Дизайн и вёрстка: Евгения КОЛЯДА

Подписано в печать 17.08.2021

Отпечатано в типографии АО «ВПК «НПО машиностроения»

Заказ № 1770

143966, Россия, Московская обл., г. Реутов, ул. Гагарина, д. 35

Тел.: +7 (495) 508-87-22

АО «Юридическая экспертиза № 1»

Репродукция картины Вероники Попомаревой «Отражение»